

ЛИССБЕТ КОТЦОВА

ИЗМЕНА ДРАКОНА

Я БОЛЬШЕ НЕ ТВОЯ
ИСТИННАЯ

Лиссбет Котцова

**Измена дракона. Я
больше не твоя истинная**

«Литнет»

2026

Котцова Л.

Измена дракона. Я больше не твоя истинная / Л. Котцова —
«Литнет», 2026

Я шла к мужу, чтобы сказать: у нас будет ребёнок. А застала его в Зале Семи Пламен - с другой женщиной. Её запястье было соединено с его белым огнём, придворные уже называли её новой истинной, а маги Белого Гнезда объявили нашу связь ошибкой. Кайрен даже не попытался остановить ритуал. Он только сказал:— Ты не должна была приходить. Меня отправили на север — подальше от дворца, слухов и мужчины, которому я когда-то верила. Они думали, я исчезну тихо. Но по дороге на мой обоз напали те, кто должен был меня охранять. Теперь я знаю: моя беременность — не позор и не проклятие. Во мне просыпается магия уничтоженного рода. В моём ребёнке тлеет пламя, которого боятся драконы. А древний закон гласит: истинную связь может разорвать только женщина. Кайрен ещё узнает правду. Ещё пожалеет. Ещё прилетит за мной. Только я уже не та, кого можно вернуть приказом. Я была его истинной. Теперь - больше нет.

Содержание

Глава 1. Я хотела сказать ему первой	5
Глава 2. Ты не должна была приходить	10
Глава 3. Печать не должна была ответить	16
Глава 4. Комната без ручек	23
Глава 5. Он не пришёл	29
Глава 6. Новая истинная	35
Глава 7. Приказ для севера	40
Глава 8. Первый снег	47
Глава 9. Нападение на перевале	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1. Я хотела сказать ему первой

— Скажите ещё раз.

Старый Ортис поднял на меня глаза поверх круглых очков. В их мутноватом стекле дрожал огонёк спиртовой лампы, а за ним — моё лицо: бледное, слишком спокойное, будто новость, которую он только что произнёс, касалась не меня.

— Госпожа Элира, — сказал он тише, чем обычно. — Вы беременны.

Слово упало между нами, как тёплый камень в холодную воду. Без всплеска. Без грома. Просто пошли круги — один, второй, третий, — и всё, что ещё мгновение назад было привычным, вдруг оказалось другим.

Полки с травами. Медные весы. Стеклянные склянки, в которых настаивались корни синего морника. Запах сушёной горькой мяты, железа и чистого льняного полотна. Мой маленький лекарский кабинет при замке Велоров — единственное место, где я за два года так и не научилась чувствовать себя чужой.

Я сидела у стола, положив руки на колени. Под левым рукавом жгло запястье — там браслет из драконьей чешуи, чешуи Кайрена, плотнее обычного прилегал к коже. А под рёбрами, почти у живота, мягко теплела Печать Пламени.

Не больно.

Живо.

— Вы уверены? — спросила я.

Ортис не улыбнулся. И это почему-то испугало меня сильнее, чем если бы он начал поздравлять. В замке Велоров радость редко приходила одна. Обычно с ней входили свидетели, печати, родовые права и чьи-то холодные решения.

— Настолько, насколько можно быть уверенным на таком сроке, — ответил он. — Сердце ещё не слышно. Но огонь уже отозвался.

Я медленно положила ладонь под рёбра.

Печать дрогнула навстречу, будто там, внутри, кто-то коснулся её с другой стороны.

У настоящих истинных, говорили при дворе, знак расцветал у сердца. Иногда — на запястье, если союз был связан не только любовью, но и клятвой. У самых редких — у ключицы, там, где дыхание встречается с голосом.

У меня же печать появилась ниже.

Почти у живота.

В первый год брака я слышала, как две дамы из Золотого Гнезда шептались за колонной в зимней галерее:

— У настоящих истинных знак горит у сердца.

— А у неё — будто дракон пометил не душу, а чрево.

Тогда я сделала вид, что не услышала. Я вообще очень хорошо научилась делать вид.

Что мне не больно.

Что я привыкла.

Что быть женой Кайрена ард Велора — достаточно, даже если сам Кайрен ни разу не сказал мне, что любит.

— Госпожа? — осторожно позвал Ортис.

Я моргнула.

— Да. Простите.

— Вам нужно отдохнуть. И... — он замялся, слишком быстро опустил взгляд к своим записям. — Я бы советовал поговорить с лордом Велором сегодня. До заседания.

Слово зацепилось за воздух.

— Какого заседания?

Ортис застыл.

Старик был плохим лжецом. Именно поэтому я ему доверяла.

— Ортис, — произнесла я тихо. — Я беременна. Не заставляйте меня добывать правду из вашего молчания.

Он вздохнул. Пальцы, испачканные чернилами и настойкой арники, сжали край стола.

— Сегодня в Зале Семи Пламен соберутся представители Белого Гнезда.

Белое Гнездо.

Даже травы, казалось, пахнуть перестали.

— Зачем?

— Говорили... о проверке связи.

Я не сразу встала. Сначала только почувствовала, как холодно стало ладоням.

Проверка связи не была обычной формальностью. Истинных не проверяли из любопытства. Не собирали для этого Белое Гнездо, хранителей брачных ритуалов, если речь шла о простом подтверждении. Проверку назначали, когда сомневались в чистоте печати. В наследовании. В равновесии огня.

И мне никто ничего не сказал.

Ни утром, когда я пила горький чай от тошноты.

Ни вчера, когда Кайрен прислал мне из южных теплиц корень синего морника — редкий, дорогой, именно тот, что закончился в моих запасах.

Ни три ночи назад, когда вошёл в спальню после полуночи, снял перчатки у камина и долго стоял у окна, думая, что я сплю.

Я тогда не спала.

Я слышала, как он подошёл. Как задержался у моей кровати. Как его ладонь, тяжёлая, горячая, почти коснулась моего плеча — и не коснулась.

Кайрен всегда останавливался за миг до нежности.

И я, глупая, училась считать этот миг любовью.

— Где он сейчас? — спросила я.

Ортис не ответил сразу.

Ответ и не понадобился.

Я поднялась. Мир качнулся, но я удержалась за край стола.

— Госпожа, вам нельзя волноваться.

— Мне нельзя оставаться в неведении.

Я взяла со стола сложенный лист. Письмо, начатое утром и так и не законченное.

“Кайрен, я не знаю, обрадуешься ли ты...”

Дальше слова не шли. Я хотела сказать ему сама. Не через лекаря. Не через родовой совет. Не через белых магов с их гладкими лицами и холодными руками.

Первой.

Я хотела, чтобы он узнал от меня.

Смешное желание для женщины, чей брак с самого начала принадлежал не ей, а судьбе, роду и древнему огню.

Я спрятала письмо в складки рукава и вышла.

Замок Велоров был слишком большим для человеческого сердца.

Драконьи галереи тянулись высоко, уходя в тень под сводами. В стенах чёрного вулканического камня мерцали алые прожилки, будто древний огонь всё ещё дышал под кожей горы. По вечерам здесь пахло пеплом, горячим металлом и дорогими маслами. Днём — полированным камнем, воском и чужими голосами, которые умолкали, стоило мне приблизиться.

Сегодня умолкали быстрее обычного.

Две служанки у лестницы поклонились слишком низко. Один из молодых пажей, увидев меня, побледнел и чуть не выронил серебряный поднос. У дверей западной галереи Мирна, моя камеристка, сделала шаг вперёд — порывисто, будто хотела перегородить мне путь.

— Госпожа...

Старшая экономка рядом резко качнула головой.

Мирна опустила глаза.

Я остановилась.

— Что происходит?

— Вам... — Мирна сглотнула. — Вам лучше вернуться в покои.

После этих слов во мне умерла последняя надежда, что Ортис ошибся.

Я не побежала. Беременным женщинам, наверное, не следует бегать по каменным коридорам древних драконьих замков. Но я пошла так быстро, что шёлковая нижняя юбка путалась в ногах, а дыхание стало неровным.

Зал Семи Пламен находился в старейшей части замка. Там признавали истинные пары, заключали браки между гнёздами, утверждали наследников и клятвы, которые переживали люди.

Когда Кайрен два года назад привёл меня туда, я дрожала так сильно, что едва не споткнулась на пороге. Он заметил. Ничего не сказал, только встал чуть ближе, закрывая меня от взглядов собравшихся.

Я тогда подумала: он не умеет утешать словами.

Но умеет становиться рядом.

У дверей зала сегодня стояла не охрана Велоров.

Белые плащи. Серебряные застёжки. Перчатки, расшитые клятвенными нитями.

Стражи Белого Гнезда.

Они разом повернулись ко мне.

— Совет закрыт, госпожа.

Я посмотрела на того, что стоял ближе всех. Молодой. Гладкое лицо, почти красивое. И глаза человека, который уже выбрал, что ему не стыдно.

— Я жена Кайрена ард Велора.

Он не выдержал моего взгляда.

— Сегодня это как раз и устанавливается, госпожа.

Кровь отхлынула от лица так резко, что каменные стены вокруг потемнели.

За дверями звучал голос.

Мягкий, ровный, почти ласковый.

— ...согласно третьему свидетельству Белого Огня, связь с Элирой СаэРН признана искажённой. Род Велор имеет право на повторное избрание истинной.

Я не поняла сразу.

Слова были слишком правильные. Слишком чистые. В них не было крика, не было злости, не было удара.

Только приговор.

Связь с Элирой СаэРН признана искажённой.

Не “госпожой Велор”.

Не “истинной Кайрена”.

Элирой СаэРН.

Дочерью провинциального лекаря.

Ошибкой, которую наконец назвали её настоящим именем.

Я приложила ладонь к животу. Не нарочно. Просто внутри вдруг стало страшно тихо.

Страж сделал движение, будто хотел меня удержать.

Я прошла мимо.

Может быть, он растерялся. Может быть, в моём лице ещё оставалось что-то от женщины, которую этот дом два года называл своей госпожой. А может быть, древние двери Зала Семи Пламен сами узнали мою печать и дрогнули раньше, чем его рука легла мне на плечо.

Я толкнула створки.

В зал вошёл холод.

И все обернулись.

Семь чаш горели по кругу. Красная — огнём войны. Белая — огнём клятв. Синяя мерцала, как гроза над морем. Чёрная дымилась без пламени. Золотая сияла ровно и богато. Серая тлела, будто уголь под снегом.

Седьмая чаша, пепельная, стояла пустой.

Так было всегда.

В центре ритуального круга стоял Кайрен.

Высокий. Неподвижный. В чёрном камзоле с алой вышивкой рода Велор. Тёмные волосы убраны назад, на скуле — старый шрам, тонкий и светлый. Его глаза, янтарно-золотые, как расплавленная смола, смотрели на меня без удивления.

Перед ним стояла женщина.

Светлые волосы. Белое платье. Тонкие запястья.

Одно её запястье было соединено с запястьем Кайрена лентой белого огня.

Я услышала, как кто-то ахнул. Или это был я сама.

Девушка побледнела. Её пальцы дрожали в ритуальном пламени.

Но я смотрела не на неё.

На него.

Только на него.

Потому что ещё была одна последняя невозможная надежда.

Сейчас он скажет, что это не так.

Сейчас шагнёт ко мне.

Сейчас оборвёт белый огонь и произнесёт моё имя не так, как произносил при Совете, не сухо, не холодно, а так, будто оно что-то значит.

— Кайрен? — сказала я.

Мой голос прозвучал слишком тихо для такого огромного зала.

Архимаг Маэлис Ор повернулся ко мне. Лицо у него было спокойное, почти сочувственное. Так смотрят лекари на больного перед тем, как отнять заражённую руку.

— Госпожа Саэрен, — произнёс он мягко, — вам нельзя здесь находиться.

Я не шелохнулась.

Кайрен смотрел на меня.

И молчал.

У него на плече, под тканью камзола, проступила тёмно-алая чешуя. Едва заметно. Так бывало, когда он сдерживал дракона.

Значит, чувствовал.

Значит, не был равнодушен.

Почему же тогда стоял там?

Почему его рука была соединена с рукой другой женщины?

Почему весь зал уже знал то, что мне никто не сказал?

Я сделала шаг внутрь.

Белое пламя в чаше клятв дрогнуло.

— Это правда? — спросила я.

Кайрен не ответил сразу.

И в этой паузе я услышала всё.

Шелест платьев. Чужие вдохи. Чьё-то жадное ожидание скандала. Треск белого огня между их запястьями. Своё сердце — слишком громкое, слишком живое, слишком глупое.

Кайрен наконец разжал губы.

— Ты не должна была приходить.

Не “Элира”.

Не “я объясню”.

Не “прости”.

Ты не должна была приходить.

Будто беда была не в том, что он стоял с другой в ритуальном круге.

А в том, что я увидела.

Я опустила ладонь с живота.

Письмо в рукаве вдруг стало тяжёлым, как камень.

Наш ребёнок ещё не имел голоса.

А его отец уже выбрал молчание.

Глава 2. Ты не должна была приходить

— Ты не должна была приходить.

Наверное, от настоящего удара человек отшатывается сразу.

Я — нет.

Я стояла у распахнутых дверей Зала Семи Пламен, и в первое мгновение мне даже показалось, что я ослышалась. Что голос Кайрена исказился под сводами, под треском огня, под шёпотом придворных, под белым сиянием ритуального круга.

Ты не должна была приходить.

Не: “Элира, подожди”.

Не: “Это не то, что ты думаешь”.

Не: “Прости”.

Только это.

Будто беда была во мне.

В том, что я вошла. Увидела. Нарушила красивый порядок чужого предательства.

Я смотрела на его руку.

На запястье Кайрена, перевитое белым огнём с запястьем другой женщины. Огонь не был похож на пламя свечи или очага. Он не грел. Он горел чисто, почти бесцветно, как закон, которому всё равно, кого он ранит.

Селеста Морвэн стояла напротив него, бледная до прозрачности. Светлые волосы лежали на плечах мягкими волнами, платье цвета молока казалось слишком невинным для ритуала, в котором одну женщину заменяли другой. Её пальцы дрожали.

Я заметила это.

И почти возненавидела себя за то, что заметила.

Мне хотелось, чтобы она улыбалась. Чтобы торжествовала. Чтобы была красивой злодейкой из придворных сплетен, женщиной с ядовитыми глазами и сладким голосом. Так было бы легче. Проще ненавидеть ту, кто крадёт, если она похожа на воровку.

Но Селеста выглядела так, будто её тоже поставили в круг и велели не двигаться.

— Это правда? — спросила я.

Кайрен молчал.

Его лицо оставалось неподвижным. Чёрный камзол сидел безупречно. Тёмные волосы, убранные назад, не выбились ни одной прядью. На скуле белел старый шрам — тонкая линия от виска к щеке. Я знала этот шрам лучше, чем имела право знать лицо мужа, который никогда не принадлежал мне полностью.

Однажды ночью, когда он вернулся с южной границы с лихорадкой, я промывала рану под его ребром. Он был почти без сознания, но, когда мои пальцы случайно коснулись этого шрама, перехватил мою руку.

— Не там, — хрипло сказал он.

— Болит?

Он тогда долго смотрел на меня, словно не понимал вопроса.

— Помню.

Больше ничего.

Кайрен всегда так отвечал. Не больно — помню. Не страшно — необходимо. Не люблю — ты под моей защитой.

Я сама достраивала недостающие слова.

Сама, как дурочка, ставила мосты там, где он оставлял пропасти.

— Кайрен, — сказала я уже тише. — Я спрашиваю тебя.

По залу прошёл шорох.

Кто-то за моей спиной втянул воздух. Кто-то, кажется, прошептал: «Она осмелилась». Я не обернулась. Все эти люди видели меня два года: на приёмах, церемониях, холодных завтраках, когда я сидела рядом с Кайреном и училась быть тенью при живом драконе. Они считали меня тихой.

Удобной.

Благодарной.

Я и правда была благодарной.

За то, что меня не унижали громко.

Как мало иногда нужно женщине, чтобы принять клетку за дом.

— Совет Белого Гнезда установил искажение нашей связи, — наконец произнёс Кайрен.

Голос его был ровным. Слишком ровным. Так он отдавал приказы перед битвой. Так сообщал матерям о гибели сыновей. Так однажды сказал мне, что я больше не должна ходить в южные сады без охраны, потому что кто-то при дворе назвал мою кровь слабой.

Тогда мне показалось, что он заботится.

Теперь я услышала в этом прежний смысл: он решал, куда мне ходить, с кем говорить, что знать, когда молчать.

— Я спросила не Совет, — сказала я.

Белое пламя между ним и Селестой дёрнулось.

Кайрен посмотрел мне прямо в глаза.

И я увидела боль.

Не раскаяние. Не любовь. Не ужас человека, который только что понял, что сделал.

Боль была.

Но он держал её, как держал всё остальное: под замком, под волей, под железной привычкой быть правителем раньше, чем человеком.

— Да, — сказал он.

Одно слово.

Мир не рухнул.

Вот что оказалось самым страшным.

Колонны не треснули. Огни не погасли. Драконьи чаши продолжали гореть. Люди вокруг продолжали дышать. А я стояла, и во мне что-то падало так глубоко, что звука уже не было слышно.

Селеста чуть шевельнулась.

— Я не хотела, чтобы это произошло так, — сказала она.

Я медленно повернула к ней голову.

Голос у неё был мягкий. Придворный. Воспитанный. Голос женщины, которую учили просить прощения так, чтобы это не мешало ей получать чужое место.

— А как вы хотели? — спросила я. — Чтобы мне сообщили запиской?

Она опустила глаза.

На её запястье белый огонь оставил тонкий след, будто браслет из света. Совсем не похожий на мой.

Мой браслет был тяжёлым.

Из настоящей драконьей чешуи.

Из Кайрена.

Я почувствовала его на руке — горячий, плотный, почти живой. Когда-то после признания связи Кайрен надел его сам. В этом самом зале. Тогда огни были другими. Красная чаша взметнулась до сводов, и все придворные разом склонили головы.

Я спросила его потом, уже в коридоре:

— Это знак любви?

Он долго молчал. Шёл рядом, высокий, чужой, страшно прекрасный в своей неподвижности.

Потом сказал:

— Это знак, что никто не тронет тебя без моего разрешения.

Я тогда услышала защиту.

Сегодня — собственность.

— Госпожа Саэри, — вмешался Маэлис Ор.

Он стоял возле белой чаши, в длинном одеянии хранителя связей. Его лицо было спокойным, почти печальным. Никакой жестокости. Никакого удовольствия. И от этого становилось хуже.

Люди, которым нравится причинять боль, хотя бы честны в своей уродливости.

А Маэлис говорил так, будто спасал меня.

— Никто не желает вам зла. Речь идёт о защите рода Велор, наследования и вашего собственного здоровья. Искривлённая связь опасна прежде всего для женщины.

Я посмотрела на него.

— Моего здоровья?

— Именно.

— Поэтому вы проводите ритуал с другой женщиной за моей спиной?

Его взгляд смягчился. Так смотрят на ребёнка, который не понимает, зачем лекарь держит нож.

— Иногда милосердие требует тишины.

Где-то справа негромко выдохнула Ровена ард Велор.

Я повернулась к ней.

Мать Кайрена сидела на возвышении у красной чаши. Вдовствующая драконица Красного Пламени. Серебряные волосы убраны так туго, будто даже им было запрещено падать свободно. Чёрно-алое платье лежало на ней не тканью, а доспехом. Она смотрела на меня без ненависти.

Скорее с усталостью.

Как на ошибку, которую слишком долго откладывали исправить.

— Довольно, Элира, — сказала она. — Ты забываешься.

Я кивнула.

— Нет, леди Ровена. Кажется, я впервые всё хорошо запоминаю.

В зале стало очень тихо.

Я никогда прежде не отвечала ей так.

Ровена медленно поднялась.

— Ты стоишь в зале, где решается судьба рода, который принял тебя из милости.

— Из милости? — повторила я. — А я думала, из-за истинной связи.

На её губах появилась тонкая улыбка.

— Именно это мы сегодня и исправляем.

Вот теперь стало больно.

Не в груди. Не там, где сердце.

Ниже.

Под рёбрами, где тихо жила моя печать. Где под моей ладонью ещё недавно отозвался огонь ребёнка, о котором никто в этом зале не знал.

Никто, кроме меня.

И старого лекаря.

И, может быть, богов, если они существовали и если им не было стыдно смотреть.

Кайрен сделал шаг.

Белая огненная лента между ним и Селестой натянулась, словно поводок. Я увидела, как он едва заметно поморщился. Не от боли — от раздражения, что его остановили.

— Ты уйдёшь в свои покои, — сказал он. — Мы поговорим позже.

Вот так.

Не “пойдём”.

Не “прошу”.

Уйдёшь.

Даже сейчас, когда он стоял передо мной с другой женщиной, его первым желанием было не объяснить, а приказать.

— Позже? — спросила я. — Когда ваша новая истинная закончит принимать мои поздравления?

Селеста вздрогнула.

Кайрен резко сказал:

— Не унижай себя.

Я почти улыбнулась.

Удивительно, как много людей сегодня заботились о моём достоинстве, стоя на нём сапогами.

— Я? Себя?

Мой голос не сорвался. Это было странно. Внутри всё дрожало, как стекло перед трещиной, но голос оставался ровным.

Я посмотрела на своё запястье.

На браслет из чешуи.

Чешуя Кайрена была тёмной, почти чёрной, но в глубине каждой пластины горела алая искра. Он снял её со своего драконьего плеча в день признания связи. Я помнила, как зал ахнул: дракон отдаёт чешую только той, кого признаёт своей.

Своей.

Вот слово.

Не любимой.

Не равной.

Своей.

Я коснулась застёжки.

Кайрен понял сразу.

Его лицо изменилось — впервые за всё это время. Не сильно. Другой бы не заметил. Но я заметила: как дрогнула линия рта, как потемнели глаза, как на шее под кожей проступил алый отсвет чешуи.

— Не смей, — сказал он.

В этих двух словах было больше чувства, чем во всех его объяснениях.

И потому я расстегнула браслет.

Рука дрожала. Я ненавидела эту дрожь. Ненавидела своё тело за то, что оно всё ещё помнило, как хотело его тепла. Ненавидела сердце за то, что даже сейчас, даже после белого огня между ним и другой, оно ждало: останови меня не приказом. Останови любовью.

Скажи хоть что-нибудь человеческое.

— Элира, — произнёс Кайрен.

Тише.

Почти просьба.

Почти.

Этого почти мне хватало два года.

Сегодня — уже нет.

Я положила браслет на край ритуального круга.

Белый огонь зашипел, коснувшись драконьей чешуи. Селеста вскрикнула, будто пламя обожгло и её. Маэлис резко подался вперёд.

Я не отступила.

— Ты всё ещё говоришь так, будто имеешь на меня право, — сказала я.

Кайрен посмотрел на браслет, потом на меня.

— Я твой дракон.

Когда-то я мечтала услышать эти слова.

Наверное, в другой жизни они могли бы звучать как клятва. Как принадлежность друг другу, а не одного — другому. Как тепло, в котором не страшно.

Но сейчас они прозвучали как замок на двери.

Я выпрямилась.

Под рёбрами вспыхнула Печать Пламени.

— Нет, Кайрен, — сказала я. — Это я была твоей истинной.

Он застыл.

Весь зал застыл.

Даже огни, казалось, на мгновение перестали дышать.

Я почувствовала, как внизу живота сжалось что-то крошечное, живое, беззащитное. Или мне только показалось. Может быть, это был страх. Может, надежда умирала не сразу, а судорогами.

Я договорила:

— А теперь я больше не твоя.

Боль пришла сразу.

Такая острая, что я едва не согнулась. Печать под рёбрами вспыхнула красным — и тут же потемнела, будто кто-то высыпал в огонь горсть пепла. По краям знака прошла серая линия. Тонкая. Холодная. Чужая и почему-то до ужаса родная.

Белая чаша клятв взметнулась к сводам.

Селеста вскрикнула громче и отдернула руку, но огонь не отпустил её запястье. Кайрен шагнул ко мне — резко, почти сорвавшись, — и белая лента на его руке вспыхнула, удерживая.

Маэлис впервые потерял спокойствие.

Только на миг.

Но я увидела.

— Увести её, — сказал он быстро. — Немедленно.

Ко мне двинулись белые стражники.

Я смотрела на Кайрена.

Он тоже смотрел.

В его глазах было то, чего я ждала раньше: страх.

Не за род. Не за ритуал. Не за честь Велоров.

За меня?

Я не знала.

Я уже больше ничего не знала.

Одно мгновение.

Второе.

Скажи.

Сделай.

Останови их.

Но Кайрен молчал.

Стражи взяли меня под руки. Один сжал слишком сильно, и я почувствовала, как на запястье останутся синяки. Там, где ещё минуту назад был его браслет.

Я не сопротивлялась.

Соппротивление требует надежды, что тебя услышат.

Я только посмотрела на мужа, который стоял в круге с другой женщиной, и сказала:

— Молчи дальше. У тебя это всегда получалось лучше, чем любить.

Его лицо побледнело.

А потом двери Зала Семи Пламен закрылись передо мной.

И белый огонь остался внутри.

Глава 3. Печать не должна была ответить

Двери закрылись.

Глухо.

Слишком тихо для того, что только что произошло.

Кайрен ард Велор остался стоять в центре Зала Семи Пламен, и впервые за много лет ему понадобилось усилие, чтобы не сделать шага вслед.

Не рвануться к дверям.

Не сорвать белую ленту с запястья.

Не приказать вернуть её.

Элиру.

Его истинную.

Нет.

Кайрен сжал пальцы.

Не истинную.

Искажённую связь.

Опасность для рода.

Ошибка Белого Огня, которую нужно было исправить до того, как она разрушит то небольшое, что ещё держалось в доме Велоров.

Он повторил это про себя один раз.

Потом второй.

Потом третий.

Слова не помогали.

На каменном полу, у самого края ритуального круга, лежал браслет из его чешуи. Элира положила его осторожно, почти бережно, будто даже в отречении не хотела причинить боль тому, кто уже причинил её первым.

Это бесило сильнее, чем если бы она швырнула браслет ему в лицо.

Чешуя дракона не была украшением.

Не драгоценностью для женского запястья.

Когда Кайрен снял её с собственного плеча два года назад, зал ахнул. Он помнил это. Помнил, как Элира стояла рядом, бледная, упрямая, слишком тихая для женщины, которую только что признал Красный Огонь. Её печать тогда вспыхнула под рёбрами — странно, неправильно низко, почти у живота, — и Белые маги переглянулись.

Кайрен тоже заметил.

Но тогда не позволил им сказать ни слова.

Он надел браслет на её руку и произнёс:

— Теперь никто не тронет тебя без моего разрешения.

Она посмотрела на него так, будто слышала в этих словах больше, чем он вложил.

И он не исправил.

Зачем?

Так было проще.

Ему всегда было проще защищать, чем объяснять. Проще приказать, чем просить. Проще закрыть женщину от чужих взглядов, чем признать, что сам хочет смотреть.

Теперь браслет лежал на камне.

Возвращённый.

Холодный.

Белая ритуальная лента всё ещё соединяла его запястье с запястьем Селесты Морвэн. Она дрожала. Кайрен чувствовал это через огонь: мелкую, испуганную дрожь чужой кожи.

Не Элириной.

Не той кожи, которую он знал слишком хорошо для мужа, так редко позволявшего себе прикосновения.

Белая чаша клятв продолжала гореть, но пламя стало неровным. Оно вытягивалось в сторону дверей, за которыми увели Элиру, будто и само не понимало, почему та, кого объявили ошибкой, смогла заставить истинный огонь ответить.

Печать не должна была ответить.

Эти слова Кайрен понял раньше, чем Маэлис произнёс их вслух.

— Печать не должна была ответить, — сказал архимаг.

Голос у него был всё такой же мягкий, но на самой глубине появилась трещина. Маленькая. Почти незаметная.

Кайрен заметил.

Он замечал всё на поле боя: движение плеча перед ударом, дрожь кончика копья, лишний вдох лежа перед клятвой. И сейчас заметил, что Маэлис Ор, глава Белого Гнезда, человек, державший в руках судьбы истинных пар всей империи, на мгновение испугался.

— Что это значит? — спросил Кайрен.

Селеста тихо всхлипнула, но никто не повернулся к ней.

Маэлис посмотрел на белую чашу, затем на браслет. Не на Кайрена. Не сразу.

— Искажённые связи иногда дают болезненные всплески, — произнёс он. — Особенно если женщина эмоционально нестабильна.

Кайрен медленно повернул к нему голову.

Воздух в зале стал горячее.

Красная чаша поднялась на локоть выше.

— Осторожнее, — сказал он.

Маэлис склонил голову. Без страха теперь. Уже снова собранный, спокойный, почти отеческий.

— Я не оскорбляю вашу супругу.

Слово ударило неожиданно.

Супругу.

Кайрен сам отказался от этого слова перед Советом. Сам позволил назвать Элиру Саэрен не женой, не истинной, а носительницей искажённой печати. Но, услышав это из уст Маэлиса, почувствовал желание вцепиться ему в горло.

— Вы только что назвали её связь со мной ошибкой перед всем Советом, — сказал Кайрен.

— Во имя вашего рода.

Род.

Слово легло на шею, как знакомая цепь.

Кайрен замолчал.

Так его учили с детства. Род выше боли. Род выше желания. Род выше женщины, выше ночей, выше тех редких мгновений, когда Элира, думая, что он не видит, улыбалась над письмами из своей северной деревни или засыпала в лекарской комнате, положив голову на раскрытый травник.

Род выше всего.

Отец забыл это.

Отец поверил, что любовь способна удержать дракона лучше, чем закон.

А потом Красное Пламя вышло из-под контроля, и южное крыло замка горело три дня.

Кайрен помнил запах.

Горящий камень. Волосы. Кровь. Мать с обожжёнными руками, стоящая у запертых подземных ворот. Собственный детский крик, который никто не должен был слышать, потому что наследники Велоров не кричали.

Род выше боли.

Он выжил именно потому, что выучил это.

— Снимите, — тихо сказала Селеста.

Кайрен будто впервые вспомнил, что она стоит рядом.

Она была моложе Элиры. Или казалась моложе из-за светлых волос и прозрачной кожи. Белое платье делало её почти призрачной. На запястье, там, где огонь соединял её с ним, уже проступил ожог.

— Больно? — спросил он.

Селеста подняла глаза. Серые. Не зелёные, как у Элиры. Не живые, не северные, не упрямые.

— Да.

Кайрен посмотрел на Маэлиса.

— Завершите ритуальную связку.

— Ритуал не завершён, — ответил архимаг. — Разрыв сейчас может повредить стабилизации.

— Я сказал: снимите.

На этот раз Красная чаша взвилась почти до сводов.

Маэлис выдержал паузу. Потом сделал знак пальцами. Белое пламя на запястьях потускнело и тонкой нитью втянулось обратно в чашу.

Селеста прижала обожжённую руку к груди.

Кайрен ожидал почувствовать облегчение.

Не почувствовал ничего.

Только пустоту там, где ещё недавно стояла Элира.

Селеста посмотрела на двери.

— Она не знала? — спросила она.

Кайрен не ответил.

— Лорд Велор, — уже тише повторила Селеста. — Она не знала?

Вопрос был простым.

И именно поэтому опасным.

Он не хотел вспоминать лицо Элиры, когда она вошла. Не хотел вспоминать её руку у живота. Не хотел вспоминать, как она смотрела не на Селесту, не на Маэлиса, не на Ровену — только на него.

До последнего ждала.

Ждала, что он остановит.

Ждала, что он выберет её.

— Это не ваше дело, — сказал он.

Селеста отступила, словно он ударил её.

Маэлис наблюдал.

Кайрену не понравился этот взгляд. Слишком внимательный. Слишком довольный тем, как быстро сочувствие было поставлено на место.

— Совет окончен, — произнесла Ровена ард Велор.

Его мать поднялась со своего места у Красной чаши. Вдовствующая драконица двигалась без спешки, но зал расступался перед ней быстрее, чем перед вооружённым отрядом. Серебряные волосы были убраны туго, почти жестоко. Лицо не выдавало ничего.

Кайрен знал это лицо с детства.

На нём было то же выражение, когда она запирала отца в нижних галереях.

То же, когда ему впервые вложили в руки меч.

То же, когда она сказала десятилетнему мальчику: “Запомни, Кайрен. Дракон, который жалеет, сжигает тех, кого хотел спасти”.

Ровена остановилась перед ним.

— Ты сделал то, что должен был.

Кайрен посмотрел на неё.

— Она была беременна?

Вопрос вырвался сам.

Ровена не дрогнула.

Почти.

Но он был её сыном. Он видел, как на мгновение застыла жилка у её виска.

— С чего ты взял?

С чего?

С того, как Элира прижала ладонь к животу?

С того, как его собственный дракон внутри вдруг рванулся к ней, когда она вошла, не как к женщине, а как к чему-то большему, живому, его и не его одновременно?

С того, как печать под его рёбрами, невидимая, древняя, ответила болью, когда она сказала: “Больше не твоя”?

Кайрен не знал.

И это злило.

— Ответьте.

Ровена выдержала его взгляд.

— Если бы это было так, Белое Гнездо знало бы.

Маэлис повернулся к ним ровно настолько, чтобы показать: он слышал.

— Разумеется, — сказал архимаг. — Проверка была полной. Беременность на данном этапе крайне маловероятна. И при искажённой связи — опасна.

Опасна.

Для кого?

Кайрен хотел задать этот вопрос.

Не задал.

Потому что ответ уже был готов. Для рода. Для огня. Для наследования. Для империи. Для всего, что обычно называли важным, когда речь шла о боли одной женщины.

Ровена подошла ближе.

— Не позволяй жалости разрушить то, что ещё можно спасти.

— Что можно спасти? — спросил он.

— Род.

Снова это слово.

Род, который с детства требовал от него крови, молчания и правильных решений. Род, ради которого он сегодня позволил Элире стоять в зале одной, пока чужие люди называли её ошибкой.

Он сделал правильный выбор.

Должен был сделать.

Должен.

Но голос Элиры всё ещё звучал в голове:

“Молчи дальше. У тебя это всегда получалось лучше, чем любить.”

Кайрен резко повернулся к браслету.

Все уже расходились. Представители гнёзд переговаривались тихо, жадно, как вороны над полем после битвы. Белые стражники заняли места у дверей. Селесту увела женщина в серебристом плаще. Маэлис что-то говорил одному из писцов.

Кайрен наклонился и поднял браслет.

Чешуя была холодной.

Невозможно.

Драконья чешуя хранила тепло владельца годами. Даже отделённая от тела, даже вpleтённая в металл, она отзывалась на кровь дракона, которому принадлежала.

Но сейчас чешуя лежала у него на ладони мёртвой.

Нет.

Не мёртвой.

Отвергнутой.

Под рёбрами вспыхнула боль.

Кайрен стиснул зубы, но всё равно сделал полшага назад. На мгновение зал исчез. Вместо него — пустой коридор, закрытая дверь, холодная комната и Элира, сидящая на полу с ладонью у живота.

Образ был таким резким, что он почти вдохнул её запах: горькая мята, лекарственный спирт, северные травы.

Потом всё пропало.

— Милорд? — Маэлис оказался рядом слишком быстро.

Кайрен выпрямился.

— Что это было?

— Остаточный отклик искажённой связи.

— Вы уверены?

Маэлис помолчал ровно столько, чтобы ответ показался взвешенным, а не поспешным.

— Связь с госпожой Саэрен нестабильна. После её... эмоционального заявления всплески могут участиться.

— Она сказала, что больше не моя.

Маэлис внимательно посмотрел на него.

— Женщины часто произносят резкие слова в минуты боли.

— Печать ответила не на резкие слова.

Впервые за весь вечер тишина между ними стала настоящей.

Маэлис медленно сложил руки в широкие рукава.

— Именно поэтому её необходимо изолировать.

Кайрен поднял взгляд.

— Нет.

Слово вышло сразу.

Маэлис не изменился в лице.

— Милорд Велор, речь идёт не о наказании. О защите. В первую очередь — её собственной.

— Её только что вывели из зала под стражей.

— Потому что она нарушила ритуал.

Красное Пламя в чаше снова поднялось.

— Ритуал, о котором ей не сказали.

Маэлис впервые посмотрел не как советник.

Как человек, привыкший, что драконы могут рычать, но в конце всё равно ставят подпись там, где нужно Белому Гнезду.

— Вы хотели бы сказать ей сами? До Совета? До проверки? До решения? Позволить ей плакать, умолять, спорить, цепляться за вас? Вы бы выдержали?

Кайрен замолчал.

Маэлис попал точно.

Слишком точно.

Если бы Элира пришла к нему утром... если бы встала у стола в своём простом тёмном платье, с ожогами от зелий на тонких запястьях, и спросила: “Это правда?” — смог бы он сказать ей?

Смог бы он выбрать род, глядя ей в глаза без свидетелей?

Он не знал.

И это было хуже ответа.

Маэлис тихо продолжил:

— Иногда милосердие — это не давать человеку надежду там, где решения уже приняты. Кайрен сжал браслет так сильно, что металлическая оправа впилась в ладонь.

— Где она сейчас?

— Её проводят в покои.

— Без грубости.

— Разумеется.

Кайрен посмотрел на него.

— Если на ней будет хоть один синяк от ваших людей, я лично проверю, насколько хорошо Белое Пламя защищает от Красного.

Маэлис склонил голову.

— Ваше беспокойство понятно.

— Нет, — сказал Кайрен. — Не называйте это беспокойством.

Потому что если дать чувству имя, оно станет настоящим.

А настоящие чувства в доме Велоров всегда заканчивались огнём.

Ровена подошла к ним снова. Видимо, слышала достаточно.

— Её нужно убрать из столицы, — сказала она.

Кайрен медленно повернулся.

— Нет.

— Да. Пока слухи не разошлись по гнёздам. Пока её печать не стала темой для сплетен. Пока какая-нибудь дура не решила, что ложная истинная может спорить с Советом и оставаться в замке Велоров как хозяйка.

— Она хозяйка этого замка.

Ровена посмотрела на браслет в его руке.

— После сегодняшнего? Уже нет.

Кайрен почувствовал, как внутри поднялся дракон.

Не полностью. Только жар в крови. Тяжесть в плечах. Алый отсвет под кожей.

— Вы забываетесь, мать.

— Нет, — холодно сказала Ровена. — Я помню то, что ты сейчас изо всех сил пытаешься забыть. Твой отец тоже думал, что женщина удержит его от безумия. Твой отец тоже называл слабость судьбой. А потом я запирала нижние ворота собственными руками, пока он кричал моё имя с той стороны.

Кайрен молчал.

В зале стало пусто, но ему вдруг снова было десять лет.

Он видел мать, стоящую перед раскалёнными дверями подземелья. Видел кровь на её руках. Слышал драконий рёв отца, уже не похожий на человеческий голос.

И маленькую, страшную фразу, сказанную потом:

“Если бы я пожалела его раньше, он убил бы нас всех”.

Ровена коснулась его рукава.

Не ласково.

Властно.

— Ты не имеешь права быть мягким.

Кайрен посмотрел на её руку, потом на двери, за которыми исчезла Элира.

— Подготовьте приказ, — сказал Маэлису, не оборачиваясь.

— Об изоляции?

Он закрыл пальцами холодную чешую браслета.

— О временном содержании в её покоях. До решения Белого Гнезда.

Маэлис поклонился.

— Разумно.

Кайрен ненавидел это слово.

Разумно.

Так называли всё, что причиняло боль, если боль была удобна власти.

Он сделал шаг к выходу, но остановился у порога Зала Семи Пламен. Ему показалось — только показалось, — что где-то далеко, за толстыми стенами, Элира вдохнула резко, будто от боли.

И его собственная грудь ответила тем же.

Кайрен сжал браслет крепче.

Чешуя всё ещё была холодной.

— Ей будет безопасно? — спросил он, не глядя на Маэлиса.

Архимаг ответил после короткой паузы:

— Настолько, насколько это возможно для женщины с такой печатью.

Кайрен хотел обернуться.

Хотел потребовать другого ответа.

Хотел пойти к ней сам.

Вместо этого он сказал:

— Проследите, чтобы дверь охраняли мои люди.

Маэлис мягко возразил:

— Белое Гнездо уже направило стражу. Это снизит риск нового всплеска.

Кайрен закрыл глаза на одно мгновение.

Род.

Огонь.

Долг.

Правильное решение.

Он открыл глаза.

— Тогда проследите, чтобы она ни в чём не нуждалась.

И ушёл, не позволив себе посмотреть назад.

Потому что если бы посмотрел, то увидел бы браслет в своей ладони.

И, возможно, понял бы: Элиру он уже не защитил.

Глава 4. Комната без ручек

Дверь закрылась за моей спиной.

Я услышала щелчок замка.

Сначала даже не поняла.

Просто стояла посреди своих покоев и смотрела на ровную тёмную поверхность двери, за которой стихали шаги белых стражников. Один шёл тяжело, второй почти бесшумно. Тот, что сжал мою руку у Зала Семи Пламен, оставил на коже красные следы пальцев. Там, где ещё недавно был браслет Кайрена.

Я подняла ладонь.

На запястье темнела голая полоса.

Странно, как быстро тело замечает отсутствие того, что годами считало частью себя. Браслет всегда был тяжёлым. Иногда натирал кожу. Иногда, когда Кайрен злился где-то в другом конце замка, чешуя теплела, и я знала: он рядом, жив, в крови его снова пламя.

Теперь запястье казалось слишком лёгким.

Почти чужим.

Я подошла к двери и взялась за ручку.

Ручки не было.

Пальцы скользнули по гладкому металлу, по месту, где ещё утром была резная драконья голова с рубиновыми глазами. Её сняли. Не выломали в спешке, не заперли на засов снаружи, а именно сняли заранее, аккуратно, предусмотрительно.

Значит, всё было решено до того, как я вошла в зал.

До того, как услышала его голос.

До того, как он сказал: “Ты не должна была приходить”.

Мои покои вдруг стали слишком большими.

Комната, в которой я два года училась жить рядом с драконом, больше не была комнатой. Не была убежищем. Не была местом, где можно закрыть дверь и на минуту перестать быть истинной женой лорда Велора.

Клетка.

Без ручки.

Я медленно обернулась.

У камина остывал чай, который Мирна принесла мне утром. Горький, с корнем синего морника, от тошноты. На кресле лежала тёмная шаль с южной вышивкой — Кайрен прислал её прошлой зимой с границы. Не лично, конечно. Через слугу. Без записки. Просто шаль, тёплая и дорогая, в тот день, когда я дрожала от лихорадки.

На туалетном столике стояла серебряная щётка для волос, которой я почти не пользовалась. В углу — сундук с платьями, выбранными не мной. У окна — высокий стул, на котором Кайрен однажды сидел всю ночь, когда у меня был жар. Он думал, что я сплю. А я лежала с закрытыми глазами и слушала, как он дышит.

Тогда мне казалось: если мужчина остаётся рядом в темноте, значит, ему не всё равно.

Как мало мне было нужно.

Как унижительно мало.

Я сделала шаг к письменному столу, но ноги вдруг перестали слушаться. Пришлось ухватиться за спинку кресла. Дерево под пальцами было гладким, тёплым от огня. Настоящим. Всё вокруг было настоящим.

А я — нет.

Искажённая связь.

Ошибка.

Женщина, которую можно заменить в ритуальном круге, пока она пишет письмо о ребёнке.

Письмо.

Я резко подняла голову.

Оно лежало там, где я оставила его утром, под раскрытым травником. Сложенный лист, чуть смятый у края. Я бросилась к столу, но на полпути остановилась, потому что внизу живота туго потянуло. Не больно — страшно.

Я положила ладонь под рёбра.

— Тише, — прошептала я. — Тише. Я здесь.

Глупо.

Кому я это говорила? Ребёнку, который ещё не мог слышать? Себе, которая уже ничего не могла удержать? Или той части моей души, что всё ещё стояла в Зале Семи Пламен и ждала, что Кайрен наконец сделает шаг?

Я добралась до стола, взяла письмо.

“Кайрен, я не знаю, обрадуешься ли ты...”

Чернила немного расплылись там, где утром на бумагу упала капля настоя. Я помнила, как сидела здесь и не могла подобрать слова. Смешно. Я боялась, что он не обрадуется.

Я не боялась, что он в это же время будет стоять с другой женщиной перед Белой чашей.

Я прижала письмо к груди.

Нельзя плакать, сказала себе.

Плачут те, кого есть кому утешить.

Я не знаю, сколько простояла так. Наверное, недолго. Колени вдруг подогнулись, и я села прямо на пол у стола, всё ещё сжимая лист. Потом воздух кончился.

Не в комнате.

Во мне.

Я пыталась вдохнуть и не могла. Грудь сдавило, горло обожгло, а изнутри поднимался звук, которому нельзя было дать выйти. Если я закричу, они услышат за дверью. Белые стражники. Слуги. Может быть, сам замок.

И тогда все узнают, что я всё-таки сломалась.

Я зажала рот ладонью.

Слёзы пошли беззвучно.

Они не приносили облегчения. Просто текли по лицу, горячие и злые, падали на письмо, на рукав, на пальцы. Я ненавидела их. Ненавидела свою слабость. Ненавидела то, что даже теперь, даже после всего, во мне была не только злость.

Там всё ещё была любовь.

Изуродованная, униженная, почти мёртвая, но живая.

Я любила человека, который стоял в ритуальном круге с другой женщиной и молчал, пока меня уводили.

Я согнулась, прижала ладонь к животу и прошептала:

— Прости.

Не Кайрену.

Никогда ему.

Тебе, маленький огонь.

За то, что я выбрала отца, который не выбрал нас.

Стук в дверь прозвучал, когда слёзы ещё не высохли.

Нет, не стук.

Дверь просто открыли.

Снаружи повернули ключ, створка отворилась, и в мои покои вошла Ровена ард Велор.

Она не была одна.

За ней следовали две служанки с пустыми дорожными сундуками и белый писец с дощечкой для записей. Не разговор. Опись. Не визит. Процедура.

Ровена остановилась посреди комнаты и огляделась.

Так смотрят не на комнату живой женщины.

Так смотрят на имущество, которое скоро перейдёт в другое распоряжение.

— Встань, Элира.

Я не сразу смогла.

Слишком быстро выпрямиться после унижения — тоже искусство. В детстве отец учил меня накладывать швы ровно, даже если руки дрожат. “Больной не виноват, что тебе страшно”, — говорил он.

Сейчас больной была я.

И всё равно пришлось наложить шов на собственное лицо.

Я поднялась. Письмо успела спрятать в складки рукава.

— Леди Ровена.

Она заметила мои мокрые щёки. Конечно, заметила. У этой женщины взгляд был острее ножа, которым вскрывают нарывы.

Но ничего не сказала.

От этого стало почти хуже.

— Собери только необходимое.

— Куда?

— В Серый Камень.

Я смотрела на неё несколько секунд.

Серый Камень.

Северная крепость. Рудники. Изгнанники. Солдаты, которых столица вспоминала только тогда, когда граница начинала кровоточить. Место, куда отправляли тех, кого нельзя казнить и неудобно держать рядом.

— В ссылку, — сказала я.

— Под защиту.

Я почти улыбнулась.

— Не называйте клетку защитой. Она от этого не становится шире.

Одна из служанок вздрогнула. Писец опустил перо, будто не знал, стоит ли записывать эту фразу.

Ровена подошла к камину. Алый отсвет лег на её лицо, но не смягчил его.

— Ты должна покинуть замок достойно. Не превращай личную ошибку в политический скандал.

Личную ошибку.

Я медленно вдохнула.

— Для вас я была ошибкой с первого дня.

Она не стала отрицать.

Вот за что я почти уважала Ровену: она редко лгала там, где можно было ранить правдой.

— Ты была риском, — сказала она. — Разница есть.

— Для кого?

— Для моего сына. Для рода. Для огня Велоров.

— А для меня? — спросила я. — Я для кого-нибудь была человеком?

Ровена посмотрела на меня так, будто вопрос был детским.

— Женщина, входящая в драконий род, перестаёт принадлежать только себе.

— Как удобно для драконьего рода.

В её глазах мелькнуло раздражение.

— Следи за словами.

— Сегодня уже поздно.
Ровена сделала шаг ближе.
— Не унижайся.
Я рассмеялась.
Тихо, коротко, почти некрасиво.
— Вы все сегодня так беспокоитесь о моём достоинстве. Удивительно, как много людей могут топтать женщину и одновременно советовать ей стоять ровнее.
Теперь молчали все. Даже служанки перестали шуршать тканью.
Ровена изучала меня.
Наверное, впервые за два года действительно смотрела.
Не на печать под моими рёбрами. Не на происхождение. Не на неудобную жену своего сына.
На меня.
— Ты плакала, — сказала она.
— Не записывайте это в протокол. Вдруг испортит видимость моего спокойного согласия.
— Сарказм тебе не идёт.
— Мне сегодня многое больше не идёт. Например, роль благодарной жены.
На мгновение показалось, что она ударит меня.
Но Ровена ард Велор не била руками. Она била точнее.
— Кайрен не придёт.
Вот так.
Без подготовки.
Без милосердия.
Я слишком быстро подняла взгляд.
Она увидела.
Конечно, увидела.
— Не жди, — сказала Ровена. — Он сделал выбор.
Я почувствовала, как письмо в рукаве прижалось к коже. Тонкая бумага. Несколько недописанных строк. Моя последняя глупая надежда.
— Вы знали? — спросила я.
— О чём?
— Что он сделает это сегодня.
Ровена выдержала паузу.
— Да.
Я кивнула.
Почему-то именно это ударило почти сильнее, чем её прежние слова.
— Значит, когда мы сидели за завтраком, вы уже знали.
Утром она сидела напротив меня в малой столовой, ела грушу тонким ножом и молчала.
Я подумала, что она раздражена погодой или письмами с юга. Я даже спросила, не добавит ли ей мёда в чай.
— Я знала, что мой сын наконец поступит как правитель, — сказала Ровена.
— А я думала, вы просто не любите мёд.
Одна из служанок тихо втянула воздух.
Ровена не отвела глаз.
— Север остудит тебя.
— Вы правда думаете, что дело в моём жаре?
— Дело в твоей крови.
Печать под рёбрами болезненно дрогнула.
Я заставила себя не положить туда ладонь.

Слишком опасно.

Ровена не должна догадаться.

Никто не должен.

Пока не должен.

Её взгляд скользнул по столу. По травнику. По чашке с остывшим настоем. По склянке с корнем морника. Слишком внимательный взгляд женщины, которая всю жизнь выживала среди дворцовых ядов и родовых тайн.

— Ты больна? — спросила она.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— Нет.

— Ортис был у тебя сегодня долго.

— Я занимаюсь лекарствами. Удивительно, но лекарь иногда помогает мне именно с ними.

Ровена подошла к столу и взяла склянку.

— Морник назначают при тошноте.

— И при слабости после бессонницы. Хотите выписать мне ещё одно обвинение? “Слишком плохо спала перед тем, как муж решил заменить её на другую”?

Ровена поставила склянку обратно.

— Если ты что-то скрываешь, Элира, север не спасёт тебя от последствий.

Я посмотрела на неё.

В этот миг я поняла: она не знает.

Догадывается, может быть. Ищет. Но не знает.

И мне впервые за этот день стало ясно, что у меня ещё осталось что-то моё.

Не браслет.

Не имя Велор.

Не место рядом с Кайреном.

Тайна.

Маленькая жизнь, о которой они пока не успели составить протокол.

— Разве это имеет значение? — сказала я. — Вы же уже решили, что моя кровь опасна.

Ровена ответила не сразу.

— Опасность крови не отменяет жалости.

Я посмотрела на неё почти с изумлением.

— В вашем доме жалость всегда приходит после приговора?

На этот раз она отвернулась первой.

— Утром ты уедешь. До тех пор оставайся в комнате. Служанки соберут вещи.

— Нет.

Ровена медленно повернулась.

— Что?

Я выпрямилась.

Слёзы уже высохли на лице. Кожа стянулась солью. Голос стал ровным, почти чужим.

— Мои вещи соберу я. Чужие руки не будут рыться в моих письмах, травах и белье, пока я ещё жива.

Писец замер с пером над доской.

Ровена смотрела на меня долго.

Потом коротко кивнула служанкам.

— Выйти.

Они подчинились мгновенно. Белый писец задержался на долю секунды, но Ровена даже не взглянула на него. Этого хватило.

Когда мы остались вдвоём, она сказала:

— Ты думаешь, достоинство — это резкие слова?

— Нет. Думаю, достоинство — это последнее, что вы у меня не можете отобрать без моего согласия.

Она подошла ближе.

— Кайрен сделал выбор, Элира. Чем раньше ты это примешь, тем меньше боли причинишь себе.

Я устала.

Так сильно, что почти не чувствовала ног.

Но всё равно ответила:

— Сегодня я узнала одну полезную вещь, леди Ровена.

— Какую?

— Боль не становится меньше от того, что её причинили заранее обдуманно.

В её лице что-то дрогнуло.

Не жалость.

Нет.

Воспоминание, может быть.

Но Ровена тут же убрала его, как убирают кинжал в ножны.

— Утром, — повторила она. — Будь готова.

Она вышла.

На этот раз дверь закрылась мягче.

Но ключ всё равно повернулся в замке.

Я осталась одна.

Некоторое время просто стояла посреди комнаты, слушая, как в камине трещат угли. Потом достала из рукава письмо.

“Кайрен, я не знаю, обрадуешься ли ты...”

Я могла сжечь его.

Должна была.

Но вместо этого подошла к лекарской полке, сняла банку с сушёной полыньёю, нажала на маленький сучок в деревянной панели. Отец когда-то учил меня делать такие тайники в аптечных шкафах: “Самые важные вещи прячут не под замком, Элира. Замок слишком громко говорит, что ему есть что защищать”.

Панель подалась.

Я вложила письмо внутрь.

Рядом положила тонкий кусочек мягкой ткани — первую выкройку детской рубашки, которую ещё утром стеснялась достать даже при Мирне.

Пальцы задержались на ткани.

— Он не придёт, — сказала я вслух.

Комната промолчала.

Я закрыла тайник.

Но не заперла сердце.

Пока ещё не смогла.

Глава 5. Он не пришёл

Ночь в замке Велоров никогда не была тихой.

Даже когда стихали голоса, шаги, скрип дверей и далёкое позвякивание доспехов на карательных постах, сам замок продолжал жить. В стенах вздыхал древний жар. Где-то глубоко, под камнем, потрескивало пламя, которому не нужен был воздух. По драконьим галереям тянулся сухой горячий ветер, и иногда казалось, будто это не ветер вовсе, а дыхание огромного зверя, уснувшего под фундаментом.

Я сидела напротив двери и слушала.

Не замок.

Дверь.

Утром Ровена сказала: “Кайрен не придёт”.

Я повторяла себе эти слова снова и снова, как горькое лекарство, которое нужно проглотить, пока язык не привык к яду.

Не придёт.

Он сделал выбор.

Не придёт.

Но тело не верило.

Каждый шорох в коридоре заставлял меня поднимать голову. Каждый дальний шаг отзывался где-то под рёбрами, там, где печать всё ещё ныла после Зала Семи Пламен. Ветер касался двери — и сердце на миг забывало, как сильно его унизили.

Вот сейчас.

Сейчас повернётся ключ.

Сейчас он войдёт.

Не для прощения. Я не была настолько глупа. Уже не была.

Но хотя бы для объяснения.

Хотя бы для одного человеческого слова, сказанного без Совета, без Белого Гнезда, без Ровены, без этой светловолосой женщины в белом платье.

Хотя бы: “Я не хотел, чтобы ты узнала так”.

Ложь, может быть.

Но я бы, наверное, всё равно взяла её в руки, как берут чашку с тёплым чаем после долгого холода.

Комната была почти собрана.

Я сама сложила платья — не те, что выбирала Ровена, слишком тяжёлые, с алыми нитями рода Велор, а простые: тёмно-серое дорожное, два домашних, одно шерстяное, старое, ещё из моей северной жизни. Лекарскую сумку поставила у стола. В неё уложила бинты, иглы, настойку арники, порошок горького перца, маленький нож и три склянки морника. Слишком мало для пути в Серый Камень. Слишком много для женщины, которую вывозят как ненужную вещь.

Письмо осталось в тайнике.

Детская ткань — тоже.

Я не взяла их.

Не смогла.

Пока письмо лежало в этой комнате, оставалась безумная возможность, что он найдёт его. Что войдёт после моего отъезда, подойдёт к лекарской полке, заметит неправильно поставленную банку с полынью и поймёт.

Я ненавидела эту надежду.

Но не смогла убить её.

За дверью послышался тихий скрежет.

Я вскочила так резко, что потемнело в глазах.

— Госпожа? — прошептал знакомый голос.

Не он.

Мирна.

Я выдохнула не сразу.

Ключ повернулся осторожно, почти беззвучно. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель проскользнула тонкая фигурка в тёмном платье служанки. Мирна закрыла за собой дверь и прижала к груди свёрток.

Глаза у неё были красные.

— Вас накажут, если узнают, — сказала я.

Она попыталась улыбнуться, но губы дрогнули.

— Меня уже наказали бы, если бы знали половину того, что я о них думаю.

— Мирна.

— Простите, госпожа.

Она опустила на колени у моей сумки и стала доставать из свёртка вещи: шерстяные чулки, маленький мешочек сушёной ромашки, две лепёшки, завёрнутые в ткань, и флягу.

— На северной дороге холодно. А в Сером Камне, говорят, камни промерзают насквозь даже летом.

Я смотрела на её руки. Быстрые, ловкие, испуганные.

— Ты плакала.

— Нет.

— Мирна.

Она вдруг сжала ткань так, что побелели костяшки.

— Вы лечили моего брата, когда лекарь сказал, что он не доживёт до утра.

Я молчала.

Мирна всхлипнула и сердито вытерла лицо рукавом.

— Простите. Я знаю, вам сейчас не до этого.

— Твой брат выжил, потому что хотел украсть пирог с кухни, — сказала я. — У таких упрямцев смерть обычно ждёт у дверей, пока они закончат дела.

Мирна издала звук, похожий то ли на смешок, то ли на рыдание.

На миг в комнате стало почти тепло.

Потом она посмотрела на меня внимательнее.

Слишком внимательнее.

— Госпожа... вы больны?

Я застыла.

Её взгляд скользнул к моей руке. Я даже не заметила, что снова держу ладонь у живота.

Я убрала её.

— Просто устала.

Мирна всё поняла или почти поняла. Но не спросила. За это я была ей благодарна больше, чем за чулки и ромашку.

Она только положила мешочек с травой сверху в сумку.

— Тогда для усталости.

Потом подошла ближе и вдруг взяла меня за руку.

Служанки не брали госпож за руки.

Но этой ночью, кажется, все правила уже умерли.

— Он придёт? — спросила она совсем тихо.

Я посмотрела на дверь.

Она была тёмной, гладкой, без ручки с моей стороны.

— Нет, — сказала я.
Слово прозвучало спокойно.
Почти убедительно.
Мирна заплакала снова.
Я почему-то не могла.
Когда она ушла, в комнате стало холоднее.
Я снова села напротив двери.
Часы в дальней башне пробили один раз.
Потом два.
Потом три.

Между ударами проходила целая жизнь. В одной я всё ещё была женой Кайрена. В другой — девочкой из северного городка, которая перевязывала отцу руки после тяжёлого дня и думала, что судьба драконов никогда не коснётся таких, как она. В третьей — женщиной, сидящей в запертой комнате и ждущей мужчину, который уже выбрал другую.

Однажды, в первый месяц брака, я тоже ждала его до рассвета.

Он вернулся с Совета поздно, усталый, пахнувший дымом и холодным металлом. Я сидела у камина с вышивкой на коленях, хотя давно уже не видела нити.

— Почему ты не спишь? — спросил он.

— Жду вас.

Он нахмурился.

— Не надо.

Я тогда уколола палец иглой и спрятала кровь в складках ткани.

На следующий вечер он пришёл раньше.

Не сказал ничего.

Просто пришёл.

И я решила, что поняла его язык.

Сегодня я понимала: может быть, он сказал “не надо” не из заботы. Может быть, он просто предупреждал.

Не жди меня, Элира.

Когда-нибудь я не приду.

Я встала, подошла к лекарской полке и открыла тайник.

Письмо лежало там, где я его оставила. Рядом — мягкая ткань для детской рубашки. Я достала лист и развернула.

“Кайрен, я не знаю, обрадуешься ли ты. Но я хочу, чтобы ты узнал первым...”

Чернила расплывались перед глазами.

Я могла дописать.

“Теперь ты узнаешь последним”.

“Теперь ты не узнаешь никогда”.

“Теперь у нас больше нет ничего общего, кроме крови ребёнка, которого ты уже предал, сам того не зная”.

Но рука не поднялась.

Я сложила письмо обратно. Аккуратно. Почти нежно.

И снова спрятала.

Утро пришло без рассвета.

В замке Велоров свет не входил в комнаты свободно. Он просачивался через узкие высокие окна, рассыпался на камне тусклыми полосами и сразу становился похожим не на солнце, а на пепел.

За дверью раздались шаги.

Много.

Не один.
Я поднялась ещё до того, как повернулся ключ.
Дверь открылась.
На пороге стояли двое белых стражников. За ними — старая экономка, бледная Мирна и писец с дорожным списком. Людей Кайрена не было.
Ни одного алого плаща.
Ни одного солдата Красного Пламени.
Я поняла это сразу.
Он не только не пришёл ночью.
Он даже не прислал своих.
Или ему не позволили.
Или он не захотел спорить.
Оба варианта одинаково хорошо умели резать.
— Госпожа Саэрн, — сказал старший стражник. — Пора.
Саэрн.
Уже не Велор.
Мирна опустила голову. Её губы дрожали, но она молчала. Умница. Молчание иногда спасает лучше кинжала.
Я взяла лекарскую сумку.
Стражник протянул руку.
— Проверка.
— Нет.
Он удивился. Не сильно, но достаточно.
— Приказ Белого Гнезда.
— В этой сумке лекарства для людей, которые не виноваты в приказах Белого Гнезда.
— Всё, что покидает замок, подлежит осмотру.
— Тогда осматривайте сундуки.
— Сумку.
Я крепче сжала ремень.
Он сделал шаг ко мне. Второй стражник положил руку на рукоять меча — не угрожающе, почти лениво. Именно поэтому стало страшно.
И тут из-за их спин прозвучал низкий голос:
— Госпожа сама понесёт.
Я резко подняла взгляд.
У стены стоял Варг, старый солдат Велоров. Я помнила его: год назад вытаскивала у него из лёгкого обломок стрелы после пограничной стычки. Он тогда проклинал всех богов, Кайрена, меня и собственную жену за то, что та оказалась права и война — занятие вредное.
Сейчас он был в алом плаще.
Один.
Но всё же алый.
Белый стражник холодно посмотрел на него.
— Ты забываешься, солдат.
Варг даже не моргнул.
— Нет. Просто помню, кому она вытаскивала стрелу из лёгкого.
Я не поблагодарила.
Нельзя было.
Благодарность подставила бы его сильнее, чем дерзость.
Только встретилась с ним взглядом.
Он едва заметно склонил голову.

Меня вывели не через парадную лестницу.

Через боковую галерею, которой пользовались слуги, когда выносили пепел из больших каминов. Узкий проход пах золой, сыростью и старым железом. Мой сундук несли впереди. Писец шёл сзади и что-то отмечал на доске, будто каждая моя вещь уже перестала быть моей и стала частью отчёта.

Я не оглядывалась.

На повороте Мирна всё-таки не выдержала и тихо всхлипнула.

Я остановилась.

Белый стражник раздражённо сказал:

— Идёмте.

Я повернулась к Мирне.

— Не забывай менять повязку кухонной девочке. Сладкий корень — после приступа, не до. И скажи Ортису, что морник нельзя сушить у горячей стены, он теряет силу.

Мирна зажала рот рукой.

Старая экономка отвернулась.

Стражник сжал моё плечо.

— Госпожа Саэрн.

Я посмотрела на его руку.

— Ещё раз коснётесь меня без необходимости — и я начну кричать так, что весь замок узнает, как Белое Гнездо обращается с женщинами, которых только что называло нуждающимися в защите.

Он убрал руку.

Всё-таки у достоинства иногда есть зубы.

Во дворе ждала карета.

Не гербовая, не та, в которой я приезжала на церемонии. Дорожная. Тёмная. Без знаков Велоров на дверце. Только маленькая белая печать на замке.

Ссылка под видом заботы.

Слуги стояли у стен, опутив головы. Никто не плакал. Никто не произносил прощаний. В замке Велоров умели делать вид, что ничего не происходит, даже когда человека выносили из жизни.

Я поднялась в карету.

И тогда почувствовала взгляд.

Не увидела.

Сначала именно почувствовала.

Кожа под рёбрами дрогнула, печать отозвалась короткой болью, и я подняла голову.

На верхнем балконе стоял Кайрен.

Один.

Без парадного плаща. Без Совета. Без Селесты. Тёмная фигура на фоне красного камня. Ветер трепал его волосы, и даже с такого расстояния я видела, что он не двигался.

Он пришёл.

Не ночью.

Не в мою комнату.

Не за объяснением.

Он пришёл смотреть, как меня увозят.

Это оказалось хуже, чем если бы он совсем не появился.

Карета тронулась.

Колёса хрустнули по гравию.

Я смотрела на него через стекло. Между нами был двор, стража, утренний холод и всё, что он не сказал.

На миг мне захотелось поднять руку.
Не позвать. Не простить. Не попросить.
Просто показать: я вижу тебя.
Я вижу, что ты всё-таки пришёл.
И вижу, что всё равно остался наверху.
Я опустила занавеску.
Снаружи остался замок.
Балкон.
Кайрен.
Вся жизнь, в которой я пыталась быть выбранной.
Я положила ладонь на живот.
— Теперь нас двое, — прошептала я. — Значит, я больше не имею права ждать тех, кто не приходит.
Карета выехала за ворота.
И замок Велоров исчез за тяжёлым поворотом дороги.

Глава 6. Новая истинная

Селеста Морвэн ненавидела запах розового масла.

В Белом Гнезде им натирали кожу перед большими ритуалами — не ради красоты, как думали придворные, а чтобы скрыть запах страха. Масло было густым, сладким, слишком дорогим для простых людей и слишком привычным для тех, кто с детства учился стоять ровно, пока старшие решали, кому ты будешь принадлежать.

Служанка растирала его по её запястью мягкими круговыми движениями.

Там, где несколько часов назад горел белый огонь, кожа покраснела и вздулась тонкой линией. Ритуальная связь не должна была оставлять ожогов. Так говорили наставницы. Правильная истинность входила в тело, как свет в стекло: без трещин, без боли, без следов.

Но запястье болело.

Селеста смотрела на красную полосу и думала не о Кайрене ард Велоре.

Не о том, что теперь её будут называть новой истинной Красного Пламени.

Не о том, что ещё утром она была всего лишь воспитанницей Белого Гнезда, девушкой с хорошей осанкой, удобной магией отражения и больной младшей сестрой, а к вечеру стала женщиной, ради которой из зала вывели чужую жену.

Она думала о лице Элиры СаэРН.

Не о слезах. Их не было.

Не о крике. Его тоже не было.

О тишине.

Селеста видела много женской боли в Белом Гнезде. Девочек, которых отдавали в договорные браки. Вдов, чьи печати гасили, чтобы освободить наследование. Истинных, которых учили улыбаться, даже если драконья чешуя на браслете натирает кожу до крови.

Но Элира смотрела иначе.

Так смотрит человек, который пришёл с надеждой, а его встретили с приговором.

— Не трогай больше, — сказала Селеста.

Служанка вздрогнула.

— Госпожа?

Госпожа.

Слово было чужим. Слишком тяжёлым. Селесте захотелось отмыть его с кожи вместе с маслом.

— Болит, — сказала она тише.

Служанка тут же убрала руки, поклонилась и отступила. Теперь все кланялись ей ниже. Слишком низко. По приказу Маэлиса для неё выделили покои в Белом крыле замка Велоров — не те, что принадлежали Элире, конечно, но достаточно близко к главным галереям, чтобы слуги понимали: перемена уже началась.

На ширме висело платье.

Винно-алое. Тяжёлый шёлк. Тонкая вышивка у воротника. Не белое, не серебристое, не в цветах Белого Гнезда. Платье Красного Пламени.

Селеста не хотела смотреть на него.

В зеркале напротив отражалась девушка, которую она почти не узнавала: светлые волосы распущены по плечам, лицо бледное, губы бескровные, глаза серые, слишком большие. И на фоне всего этого — алый шёлк, приготовленный не для неё.

Она поняла это сразу, едва служанки внесли платье.

Оно было чуть шире в груди, чуть короче в рукавах, рассчитано на другую осанку, на другую манеру держать плечи. Его не шили для Селесты. Его перешивали ночью, торопливо, затыкая чужую жизнь новыми стежками.

— Оставьте меня, — сказала она.

Служанки переглянулись.

— Архимаг велел подготовить вас к вечернему представлению.

— Я сказала: оставьте.

Её голос дрогнул, но в нём всё же прозвучало то, чему её учили с двенадцати лет: мягкость не должна мешать приказу.

Служанки вышли.

Селеста подошла к белому зеркалу на столике. Провела пальцем по холодной раме. В глубине стекла поднялся молочный дым.

— Лиора, — прошептала она.

Некоторое время зеркало молчало. Потом туман расступился, и Селеста увидела узкую кровать, белые занавеси и худое детское лицо на подушке.

Лиора улыбнулась первой.

Как всегда.

Даже сейчас, когда губы у неё были сухими, а тени под глазами темнее волос.

— Села? — голос девочки прозвучал тонко, с помехами. — Ты теперь во дворце?

Селеста сжала пальцы на раме.

— Временно.

— Там красиво?

Она посмотрела на чужой алый шёлк. На высокие потолки. На резные драконьи колонны, где каменные когти держали чаши с огнём.

— Да.

— А дракон страшный?

Селеста вспомнила Кайрена.

Высокого. Неподвижного. С глазами, в которых огонь стоял за льдом. Вспомнила, как он сказал Элире: “Ты не должна была приходить”. Не громко. Почти устало. И от этого страшнее.

— Он холодный, — ответила она.

Лиора задумалась.

— Холодные лучше злых.

Селеста едва не рассмеялась. Или не заплакала.

— Не всегда.

— Меня скоро вылечат? — спросила Лиора.

Вот он, настоящий вопрос.

Не дворец. Не дракон. Не платье. Не ритуал.

Только это.

Селеста закрыла глаза на мгновение.

— Да. Архимаг обещал.

— Он добрый?

Селеста открыла глаза.

В Белом Гнезде все говорили, что Маэлис Ор добр. Он никогда не повышал голос. Никогда не бил. Никогда не угрожал прямо. Он просто говорил, что нужно сделать, чтобы всё осталось в равновесии.

Иногда этого было страшнее, чем крик.

— Он выполнит обещание, — сказала Селеста.

Лиора посмотрела куда-то в сторону. Наверное, в палату вошла сиделка.

— А та женщина плакала?

Селеста похолодела.

— Какая женщина?

— Ну... прежняя. Мне няня сказала, что ты теперь вместо неё.

Селеста резко погасила зеркало.

Молочный дым схлопнулся в стекле.

В комнате стало тихо.

Слишком тихо.

Она отошла от стола и только тогда заметила, что дрожит.

Дверь открылась без стука.

Селеста не обернулась сразу. Не нужно было. Так входил только один человек: без спешки, без просьбы, без сомнения в своём праве.

— Ты говорила с сестрой, — сказал Маэлис Ор.

Не вопрос.

Селеста повернулась.

Архимаг Белого Гнезда стоял у порога в длинном светлом одеянии. Его седые волосы были убраны лентой, лицо казалось усталым и почти добрым. Таким лицам доверяют матери, отдавая детей в лечебницы. Такие голоса звучат у постели больных, когда им обещают, что боль скоро пройдёт.

— Вы обещали начать лечение после ритуала, — сказала она.

Маэлис прошёл в комнату и остановился у платья.

— Ритуал не завершён.

— Потому что пришла она.

— Потому что ты дрогнула.

Селеста опустила взгляд на своё запястье.

— Мне было больно.

— Боль не всегда повод остановиться.

Она молчала.

Это тоже ей говорили с детства.

Когда ей было четырнадцать и она впервые отражала чужую клятву через собственную кровь. Когда после ритуала её выворачивало на каменный пол, наставница держала её волосы и говорила: “Потерпи, девочка. Удобные сосуды долго живут”.

Тогда Селеста ещё не понимала, почему слово “сосуд” звучит так мерзко.

Сегодня поняла.

— Элира Саэрен правда опасна? — спросила она.

Маэлис посмотрел на неё с лёгким сожалением.

— Опасны не люди, дитя. Опасны крови, которые помнят то, что должно быть забыто.

— Она не выглядела опасной.

— Самые разрушительные огни редко начинают с пожара. Иногда они начинают с вопроса.

Селеста вспомнила голос Элиры:

“Я спросила не Совет”.

Да. Вопрос действительно был опасен.

Маэлис подошёл ближе и взял её обожжённое запястье. Его пальцы были прохладными. Белое пламя мелькнуло под кожей, боль на мгновение отступила.

— Твоя сестра нуждается в стабильном лечении, — сказал он. — Белый огонь поддерживает её сердце. Но для полного исцеления нужен завершённый ритуал. Ты понимаешь?

Селеста понимала.

Она всегда всё понимала чуть раньше, чем ей хотелось.

Если она выполнит роль — Лиора будет жить.

Если сорвётся — лечение прекратят. Не сразу, нет. Маэлис не был груб. Просто очередной настой окажется слабее. Очередной лекарь опоздает. Очередной ритуал перенесут до “стабилизации обстоятельств”.

Смерть в Белом Гнезде умела носить чистые перчатки.

— Я сделаю всё, что нужно, — сказала Селеста.

Маэлис улыбнулся.

— Я знаю.

Он ушёл так же тихо, как вошёл.

Селеста осталась одна с платьем.

Её нужно было надеть к вечеру, когда представители гнёзд соберутся для официального представления новой истинной. Новая. Исправленная. Чистая.

Она сняла своё белое платье и осторожно надела алое.

Шёлк был прохладным. Ткань легла на плечи чужой тяжестью. Корсаж чуть свободно держался у груди, зато рукава неприятно тянули в запястьях. Селеста подняла руку, чтобы поправить складку, и вдруг заметила на внутренней стороне манжеты маленький знак.

Серая нить.

Почти незаметная.

Не узор Красного Пламени. Не герб Велоров. Не придворная вышивка.

Лекарский знак.

Селеста знала его, потому что в Белом Гнезде учили распознавать народные обереги, чтобы вовремя заменять их правильными, утверждёнными.

Северная защита для беременных.

Она медленно опустила руку.

Сначала пришла не мысль, а воспоминание: Элира у дверей Зала Семи Пламен. Ладонь под рёбрами. Слишком бледное лицо. Слишком быстрый взгляд вниз, когда Маэлис заговорил о здоровье.

Нет.

Селеста подошла к столу, где служанки сложили вещи, принесённые “для подготовки”. Среди шпилек, лент и коробок с пудрой лежал тонкий кожаный журнал. Видимо, его взяли из соседней комнаты по ошибке или оставили после перешивки платья.

На обложке не было герба.

Только аккуратно выведенное имя: Э. СаэРН.

Селеста не хотела открывать.

Правда редко делает человека свободнее, если он уже связан чужой болью.

Но пальцы сами развязали ремешок.

Первые страницы были заполнены лекарскими заметками. Почерк мелкий, ровный, строгий.

“Мирне не давать полынь — сердце”.

“Кухонной девочке сладкий корень после приступа, не до”.

“Варгу — проверить лёгкое через семь дней, даже если будет ругаться”.

“У Ортиса дрожат руки. Приготовить ему настой серебряной крапивы”.

Селеста листала медленно.

Записи были не похожи на дневник придворной дамы. Ни жалоб на платья. Ни пересказа сплетен. Ни мечтаний о власти рядом с драконом. Только люди. Болезни. Травы. Дозировки. Маленькие пометки о том, кто боится игл, кто не умеет просить помощи, кто скрывает боль до последнего.

Элира СаэРН жила в этом замке не как украшение.

Она держала его невидимые раны.

На последних страницах почерк менялся. Становился менее уверенным.

“Тошнота утром. Исключить горькую полынь”.

“Сонливость. Чувствительность к огню”.

“Печать теплеет не от К., а сама”.

“Проверить отклик через три дня”.
И ниже, почти на краю страницы:
“Сказать К. первой”.
Селеста закрыла журнал.
В комнате стало трудно дышать.
Беременна.
Элира была беременна.
И если Маэлис знал...
Нет. Он не мог не знать. Белое Гнездо проверяло связь. Белое Гнездо знало тело женщины лучше, чем сама женщина, если это тело могло родить наследника.
Селеста прижала журнал к груди и вдруг почувствовала тошноту от алого платья.
Она стояла на месте живой женщины.
Не мёртвой. Не бывшей. Не ложной.
Живой.
Беременной.
Преданной.
За дверью послышались шаги.
Селеста вздрогнула, быстро спрятала журнал под подушку на кушетке и едва успела выпрямиться, когда дверь открылась.
Вошла Ровена ард Велор.
Она остановилась на пороге, оглядела Селесту в алом платье и чуть прищурилась.
— Неплохо, — сказала она. — Почти сидит.
Почти.
Селеста почувствовала, как внутри что-то треснуло.
Не смелость. Нет.
Смелости у неё пока не было.
Только отчаяние, которому стало тесно в молчании.
— Леди Ровена, — сказала она.
Драконница посмотрела на неё холодно.
— Что?
Селеста сжала обожжённое запястье.
— Госпожа Элира была беременна?
Ровена не ответила.
Только на мгновение застыла.
Совсем ненадолго. Так быстро, что любая другая решила бы: показалось.
Но Селеста выросла среди людей, которые вали безупречно.
Она умела читать паузы.
И в этой паузе получила ответ страшнее слов.

Глава 7. Приказ для севера

Кайрен ард Велор умел читать поле боя быстрее, чем люди успевали умирать.

Он замечал, где дрогнула линия копейщиков. Где всадник слишком рано натянул повод. Где командир противника сделал вид, что отступает, хотя на самом деле открывал фланг для удара. На войне всё было честнее: если человек хотел тебя убить, он хотя бы держал оружие в руке.

Советы были хуже.

В Совете люди убивали словами, печатями и формулировками, после которых на полу не оставалось крови. Только пустые комнаты. Снятые браслеты. Женщины, которых увозили через боковые ворота, пока весь замок делал вид, что так и надо.

Кайрен стоял у стола в военном кабинете и смотрел на карту южной границы.

Точнее — должен был смотреть.

Перед ним лежали донесения: нападение степных кланов у Серой реки, нехватка зерна в гарнизонах, спор с Золотой Чешуёй о поставках железа. Всё привычное. Всё понятное. Всё, что раньше помогало держать мысли в строгом порядке.

Сегодня порядок не держался.

Взгляд снова и снова возвращался к браслету.

Он лежал на краю стола, рядом с тяжёлой печатью рода Велор. Чешуя в металлической оправе оставалась тёмной, почти чёрной, но алый огонь внутри больше не мерцал.

Кайрен уже трижды велел убрать браслет.

И трижды останавливал слугу прежде, чем тот успевал коснуться чешуи.

Теперь предмет лежал перед ним, как обвинение.

Неприемлемо.

Предметы не обвиняли. Вещи не имели голоса. Женские слёзы не меняли решений Совета. Долг не становился ошибкой только потому, что причинял боль.

Он повторил это мысленно.

Долг не становится ошибкой.

Но под рёбрами снова кольнуло.

Кайрен сжал ладонь, и карта под пальцами потемнела от жара. Чернила поплыли в районе южных застав. Он убрал руку.

— Проклятье.

Слово вышло тихо, почти беззвучно.

У двери слышались шаги. Тяжёлые. Военные. Не придворные.

— Войти, — сказал Кайрен.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл Варг.

Старый солдат Красного Пламени был широк в плечах, сед у висков и хромал после ранения, которое получил год назад. Элира тогда три часа вытаскивала у него из лёгкого обломок стрелы. Варг ругался так, что даже лекарские ученики краснели. Элира только велела ему ругаться тише, чтобы не сбивать ей счёт дыхания.

Кайрен помнил.

Зачем-то.

Варг поклонился, но ниже обычного не стал.

— Обоз вышел северными воротами, милорд.

Кайрен кивнул.

— Состав?

— Карета, один фургон, двое белых стражников, трое наших, кучер и дорожная служанка.

— Двое белых? — Кайрен поднял взгляд. — Почему её сопровождают люди Белого Гнезда?

Варг молчал.

Слишком долго.

Кайрен медленно выпрямился.

— Я задал вопрос.

— Таков приказ, милорд.

— Чей?

Варг смотрел прямо. В этом взгляде не было вызова. Хуже — там была усталость человека, который видел, как хорошие приказы превращались в плохие похороны.

— На бумаге — ваш.

Кабинет стал тише.

Огонь в камине потемнел, будто втянул воздух.

Кайрен вспомнил документ, принесённый Маэлисом после Совета. Формулировки. Мягкие, разумные. “Временное наблюдение”. “Магическая безопасность”. “Снижение риска всплесков”. “Ограничение контактов до завершения проверки”.

Он подписал.

Не читая каждую строку.

Нет.

Читал.

Но не всматривался.

Потому что хотел закончить. Хотел, чтобы всё приняло вид процедуры. Пока боль Элиры ещё звучала в ушах, пока её слова царапали хуже когтей, он хотел спрятать случившееся в документ.

Документы не плакали.

— Кто из наших? — спросил он.

— Линар, Хольт и Брайс.

— Молодые.

— Хольт не так молод.

— Недостаточно опытни для северной дороги.

— Их поставили как сопровождение чести, не охрану, милорд.

Кайрен сжал зубы.

Сопровождение чести.

Как много слов империя придумала, чтобы не говорить “надзор”.

Варг не уходил.

— Ещё что-то?

Солдат посмотрел на браслет на столе. Быстро, но Кайрен заметил.

— Госпожа сама несла лекарскую сумку.

— И?

— Белые хотели забрать. Я не позволил.

Кайрен поднял глаза.

— Почему?

Варг выдержал его взгляд.

— Потому что в этой сумке больше чести, чем было вчера в половине Зала Семи Пламен.

Жар ударил в стены.

Каменные драконьи головы над камином дрогнули, будто собирались проснуться. Молодой офицер за такие слова уже стоял бы на коленях. Придворный — лишился бы языка. Но Варг был солдатом, который двадцать лет служил Красному Пламени, и Кайрен не мог не понимать: дерзость старика родилась не из глупости.

Из отвращения.

— Выйди, — сказал он.

Варг поклонился.

У двери остановился.

— Милорд.

— Что ещё?

— Я видел, как она уезжала.

Кайрен не хотел слышать.

— Выйди.

— Она не плакала.

На этот раз Варг ушёл сам.

Дверь закрылась.

Кайрен остался неподвижен.

Она не плакала.

Почему это должно было иметь значение? Слёзы ничего бы не изменили. Крики ничего бы не изменили. Если бы Элира билась в дверях Зала Семи Пламен, если бы умоляла, если бы проклинала — решение осталось бы решением.

Но она не плакала.

Она сняла браслет.

Сказала: “Теперь я больше не твоя”.

И ушла так, будто в ней уже начиналась зима.

Кайрен подошёл к окну.

С верхней галереи он видел двор, когда карета тронулась. Видел, как она подняла голову. Видел тонкую тень за стеклом. Видел, как на миг, всего на миг, её рука дрогнула у занавески.

Он ждал, что она поднимет её.

Глупо.

Смешно.

После всего, что он сделал, он всё равно ждал от неё знака.

Она закрыла занавеску.

Правильно.

От этого почему-то стало хуже.

Дверь снова открылась.

На этот раз без стука.

— Ты не занят, — сказала Ровена.

Его мать вошла в кабинет так, будто это была не его военная комната, а продолжение её собственных покоев. Вдовствующая драконица никогда не спрашивала разрешения. Она выживала слишком долго, чтобы уважать границы, если считала их слабостью.

Кайрен не обернулся.

— Если это вопрос, то занят.

— Это не вопрос.

Она подошла к столу и заметила браслет.

Её лицо едва заметно изменилось.

— Убери это.

— Нет.

— Ты ведёшь себя как мальчик, у которого отняли игрушку.

Кайрен повернулся.

— Осторожнее.

— Нет, Кайрен. Это ты будь осторожнее. Элира уже проявила Пепельный отклик. Ты знаешь, что это значит.

— Я знаю только то, что мне говорят другие.

Ровена прищурилась.

— И впервые за много лет это тебя смущает?

Попадание было точным.

Слишком.

Кайрен ненавидел, когда мать говорила правду таким тоном, будто правда принадлежала ей по праву старшей крови.

— Белое Гнездо проводило проверку, — сказала она. — Маэлис не стал бы рисковать равновесием Красного Пламени из-за придворной интриги.

— Маэлис не потерял бы ничего, если бы ошибся.

— Ошибаешься. Он отвечает за истинные связи всей империи.

— А я отвечал за одну женщину.

Слова вышли раньше, чем он успел их остановить.

Ровена замолчала.

Кайрен тоже.

В камине треснуло полено.

— Ты отвечаешь за род, — сказала она наконец. — За людей, солдат, земли, кровь Велоров. Не за чувства женщины, которая оказалась опаснее, чем мы думали.

— Она не опасна.

— Ты не знаешь этого.

— И ты не знаешь.

Ровена медленно подошла ближе. Теперь между ними был только стол, карта, браслет и несколько лет молчания, которые начались задолго до Элиры.

— Я знаю, что бывает, когда дракон выбирает женщину вместо закона.

Кайрен почувствовал знакомый холод.

Не в теле.

В памяти.

Подземные ворота. Раскалённый металл. Отец, уже почти не человек, бьющийся с той стороны. Мать, стоящая прямо, хотя кожа на её руках слезала от ожогов. Его собственный детский страх, который потом годами переделывали в дисциплину.

Ровена произнесла тише:

— Твой отец тоже думал, что любовь сильнее крови.

— Не надо.

— Надо. Потому что ты начинаешь забывать. Он любил меня. Я знаю, как это звучит сейчас, но любил. И именно поэтому, когда Пепельный зов вошёл в его огонь, он не отступил. Он пришёл ко мне. Ко мне, Кайрен. Не к врагам. Не к убийцам. Ко мне. И едва не сжёг детей, потому что любовь не дала ему уйти.

Кайрен молчал.

Старый ужас не был менее унижительным оттого, что он давно стал взрослым.

— Я заперла его, — сказала Ровена. — Не Белое Гнездо. Не Совет. Я. И каждый день после этого выбирала род вместо жалости.

— И теперь хочешь, чтобы я сделал то же самое.

— Я хочу, чтобы ты выжил.

Он посмотрел на браслет.

Чешуя всё ещё была холодной.

— Ценой чего?

— Иногда правильная цена кажется жестокой только тем, кто не видел последствий мягкости.

В этот момент вошёл Маэлис Ор.

Он постучал, но не дождался ответа. Белое Гнездо умело притворяться вежливым, не признавая чужой власти.

— Милорд Велор, леди Ровена.

Кайрен не предложил ему сесть.

Маэлис и не собирался.

В руках у него был свиток с белой печатью. Ровная, безупречная бумага. Серебряная нить. Формулировки, которые уже пахли холодом.

— Необходимые распоряжения по северному наблюдению, — сказал архимаг.

— Она уже уехала.

— Именно поэтому документ нужно завершить сейчас. Чтобы командование Серого Камня понимало степень риска.

Кайрен протянул руку.

Свиток лёг на стол.

Он начал читать.

“Элира Саэрен, носительница искажённой истинной печати...”

Не Велор.

Снова не Велор.

Кайрен провёл взглядом дальше.

“...подлежит временному размещению в Северной крепости Серого Камня до завершения дополнительной проверки Белого Гнезда...”

Размещение.

Не ссылка.

“...самостоятельная переписка ограничивается во избежание распространения недостоверных сведений...”

Кайрен задержался на этой строке.

— Переписка?

Маэлис мягко кивнул.

— Слухи могут навредить ей самой. Представьте, если в иные гнёзда попадёт её версия случившегося до официального заключения.

— Её версия?

— Эмоциональная, травмированная, неполная. Вы же не хотите, чтобы её использовали против неё?

Кайрен прочёл следующую строку.

“...медицинское наблюдение осуществляется представителями Белого Гнезда или уполномоченными ими лицами...”

Под рёбрами что-то дрогнуло.

— Нет.

Маэлис поднял брови.

— Милорд?

— В крепости есть северные лекари. Ей не нужны ваши люди в комнате.

— При всём уважении, северные лекари не обучены работе с искажённой печатью.

— Элира сама обучена лучше половины ваших придворных лекарей.

Маэлис помолчал.

Ровена смотрела на сына внимательно.

— Именно поэтому, — сказал архимаг, — её состояние и требует наблюдения. Женщина, обладающая знаниями и нестабильной печатью, может навредить себе, не желая того.

Кайрен понял, что его ведут туда, куда хотят.

Мягко.

Без нажима.

Каждая формулировка звучала разумно. Каждое возражение превращалось в заботу. Каждая цепь называлась защитой.

Он дочитал.

“...в случае проявления нестабильной магии объект наблюдения передать представителям Белого Гнезда для немедленной стабилизации”.

— Объект? — спросил он.

Маэлис вздохнул.

— Языком протокола, милорд. Не более.

— Изменить.

Архимаг взял перо, аккуратно зачеркнул слово и вписал другое.

“Госпожа Саэрн”.

Кайрен смотрел на исправление.

Лучше не стало.

— Подпись нужна сегодня, — сказала Ровена. — До того как обоз достигнет северного тракта.

Он взял перо.

На мгновение перед глазами снова возникла Элира у дверей зала. Лицо белое. Глаза серо-зелёные, слишком ясные. Рука у живота.

Она была беременна?

Нет.

Если бы была — Ортис сообщил бы. Белые знали бы. Печать показала бы. Кайрен почувствовал бы.

Разве не почувствовал?

Перо зависло над бумагой.

— Милорд? — мягко напомнил Маэлис.

Род.

Огонь.

Долг.

Север остудит слухи. Элира будет в безопасности. Белое Гнездо завершит проверку. Потом...

Потом что?

Он не знал.

И всё равно подписал.

Чернила легли чёрно и окончательно.

Кайрен ард Велор.

Маэлис посыпал подпись серебряным песком.

— Разумное решение.

Кайрен медленно поднял на него взгляд.

— Когда-нибудь вы скажете это в неподходящий момент, архимаг.

Маэлис улыбнулся.

— Буду осторожен.

Он ушёл со свитком.

Ровена задержалась.

— Ты поступил правильно.

Кайрен не ответил.

Правильные поступки почему-то всё чаще оставляли после себя вкус пепла.

Когда мать тоже вышла, кабинет наконец опустел.

Кайрен сел за стол, но карты больше не видел.

Он открыл нижний ящик, чтобы убрать браслет. Там лежали старые письма. Большею частью донесения, счета, военные пометки. И одно письмо Элиры, которое он почему-то не выбросил.

Не любовное.

Конечно, нет.

Элира никогда не писала ему о любви. Возможно, потому что он не дал ей права верить, что такие письма будут приняты.

Он развернул лист.

“На южную заставу нужно отправить больше чистого полотна. Ваши интенданты считают, что солдаты могут перевязываться тем, что найдут, но заражение не уважает экономию...”

Он почти услышал её голос.

Ровный. Сдержанный. С тем упрямством, которое сначала раздражало, а потом почему-то становилось необходимым.

Дальше:

“Мальчика-конюха с переломом нельзя возвращать к тяжёлой работе раньше зимы. Если он потеряет руку, замку придётся искать нового мальчика. Это не только жестоко, но и непрактично. Возможно, последнее убедит ваших управляющих быстрее”.

Кайрен невольно выдохнул. Почти смешок.

Почти.

Внизу страницы, другим чернилом, была приписка:

“Возвращайтесь живым. Замок становится слишком большим, когда вас нет”.

Он тогда не ответил.

Прочёл. Сложил. Убрал.

Как убирал всё, что могло потребовать от него человеческого ответа.

Под рёбрами вдруг вспыхнула резкая боль.

Кайрен согнулся, оперевшись ладонью в стол. Браслет рядом стал горячим — впервые с тех пор, как Элира сняла его. Красная искра внутри чешуи дрогнула и тут же потемнела.

Перед глазами возникла дорога.

Снег.

Качающаяся карета.

Женская рука, сжимающая ремень лекарской сумки.

Элира.

Он резко поднялся.

— Гарет!

Дверь распахнулась почти сразу. Молодой адъютант влетел в кабинет.

— Милорд?

— Узнать, где сейчас обоз.

— Они уже должны быть на северной дороге.

Кайрен посмотрел на него.

Адъютант побледнел.

— Должны быть — не ответ.

— Да, милорд. Немедленно.

Гарет исчез.

Кайрен подошёл к окну.

За горами собиралась тёмная полоса облаков. Северная погода приходила рано. Ветер гнал по небу тяжёлый свинцовый край, похожий на дым от далёкого пожара.

Он стоял и смотрел туда, где дорога уходила к Серому Камню.

Браслет в его ладони снова остывал.

А боль под рёбрами не проходила.

Глава 8. Первый снег

Первый снег начался после полудня.

Сначала я решила, что это пепел.

Серые хлопья ложились на стекло кареты, таяли и оставляли мутные дорожки, похожие на следы пальцев. За окном уходили назад виноградники южных склонов, красные камни, низкие башни сторожевых застав. Замок Велоров давно скрылся за поворотами дороги, но я всё ещё чувствовала его где-то за спиной — как чувствуют взгляд, даже когда уже не оборачиваются.

На коленях лежала лекарская сумка.

Я держала её обеими руками.

Не потому, что боялась потерять травы. Хотя и этого тоже. В ней было всё, что осталось мне от прежней себя: бинты, иглы, настойки, маленький скальпель в кожаном чехле, сушёная ромашка Мирны, порошок горького перца, три склянки морника и тяжёлая уверенность, что если руки помнят работу, значит, я ещё не совсем исчезла.

Сидевший напротив белый стражник смотрел на сумку так, будто внутри лежало оружие.

Возможно, для Белого Гнезда лекарские знания и были оружием, если принадлежали не тем рукам.

Его звали Астор. По крайней мере, так к нему обратился второй стражник, когда мы меняли лошадей у южной заставы. У Астора было красивое лицо — ровное, гладкое, лишённое всего, что могло бы задержать взгляд. Такие лица хорошо смотрятся на церемониях. На казнях, наверное, тоже.

Он почти не говорил.

Но смотрел.

Не мне в глаза.

Ниже.

Туда, куда моя ладонь то и дело тянулась сама.

Я заставляла себя держать руки на сумке.

Печать под рёбрами почти не болела, но иногда теплела странным глухим жаром. Не как раньше, когда Кайрен входил в комнату и весь воздух становился суше, горячее, плотнее. Теперь тепло было другое. Будто маленький уголёк где-то внутри сопротивлялся ветру.

Я не знала, может ли ребёнок чувствовать дорогу.

Может ли страх матери стать для него холодом.

Если да — он уже должен был понять: мир встретил его не колыбельной, а приговором.

Карета качнулась на выбоине. Меня замутило так резко, что пришлось впиться ногтями в кожу сумки.

Астор заметил.

— Северная дорога тяжела для тех, кто привык к мягким покоем.

Я медленно подняла на него глаза.

— Вы много знаете о мягких покоем?

Его губы едва дрогнули.

— Я знаю, как быстро они портят женщин.

— Тогда вам повезло. Меня воспитывали не покои.

Он не ответил.

Снаружи послышался смех. Грубый, молодой. Кто-то из солдат Красного Пламени сказал что-то кучеру, и тот выругался в ответ. Наш обоз был небольшим: карета, фургон с моими вещами, двое белых стражников, трое солдат Велоров, кучер и молчаливая дорожная слу-

жанка, которую мне дали не для помощи, а для наблюдения. Девушка почти не поднимала глаз, и я не винила её. В такие дни страх — самая надёжная форма послушания.

Солдаты Красного Пламени держались неловко.

Они не знали, кто я теперь.

Госпожа Велор?

Элира Саэрн?

Опальная жена?

Ложная истинная?

Ошибка, которую надо доставить на север целой, но не слишком заметной?

Самый молодой из них — Линар — однажды поймал мой взгляд у заставы и тут же покраснел. У него были рыжеватые волосы, веснушки на носу и слишком большое старание казаться старше. Я видела таких мальчишек в лазаретах: они называли раны царапинами, пока не начинали синеть губы.

К вечеру снег стал гуще.

Красный камень вдоль дороги сменился серым. Воздух истончился, будто кто-то выжал из него тепло. Лошади шли медленнее. Фургон позади скрипел на каждом повороте.

Мы остановились у постоялого двора на северном тракте — низкого, закопчённого, с крышей, придавленной снегом.

Когда я вышла из кареты, ноги подогнулись не сразу, но предательски. Я удержалась за дверцу.

Астор протянул руку.

Я сделала вид, что не заметила.

Снег таял на лице. После душной кареты холод показался почти милосердным. Я вдохнула — и в груди кольнуло.

У входа в трактир две женщины замолчали.

Слишком поздно.

— Это та самая? — прошептала одна. — Которую дракон заменил?

Вторая перекрестила пальцы старым северным знаком.

— Говорят, печать у неё была гнилая.

Я прошла мимо.

Отец учил меня не вслушиваться в шёпот больных, когда им страшно. Люди говорят самые жестокие вещи не только от злобы. Иногда — чтобы убедить себя, что чужая беда заслужена, а значит, не придёт к ним.

Но всё равно было больно.

В трактире пахло кислым пивом, мокрой шерстью и жареным луком. Я села у стены, спиной к камню, так, чтобы видеть дверь. Привычка лекаря и женщины при дворе: всегда знать, где выход.

Трактирщица принесла воду.

Поставила не передо мной, а перед Астором.

— Для госпожи Велор, — сказал Линар и резко бросил монету на стойку.

Я подняла глаза.

Он стоял возле камина, красный от жара и смущения, но подбородок держал упрямо.

Астор повернулся к нему.

— Госпожа Саэрн.

В трактире стало тише.

Линар побледнел. Потом, к моему удивлению, не опустил взгляд.

— Воды, — повторил он. — Для госпожи.

Без фамилии.

Маленькая дерзость.

Почти ничего.

И всё же что-то внутри меня дрогнуло — не так болезненно, как печать, а теплее. Не весь мир согласился вычеркнуть меня сразу.

Я не поблагодарила его вслух. Нельзя было делать мальчишку мишенью.

Только взяла кружку и сказала трактирщице:

— Спасибо.

Её руки дрожали, когда она поставила воду передо мной.

Позже, уже во дворе, одна из лошадей взвилась.

Всё произошло быстро. Второй белый стражник, Нейв, поправил на груди амулет Белого Огня — круглый, гладкий, светящийся изнутри. Лошадь шарахнулась от света, фыркнула, ударила копытом по мерзлой земле. Линар бросился к поводьям, поскользнулся и упал под бок животного. Копыто скользнуло по его бедру.

Он вскрикнул.

Кровь на снегу всегда кажется чернее, чем есть.

— Оттащить его, — раздражённо сказал Нейв. — Перевяжете в пути.

Я уже стояла рядом.

— Нет.

Астор повернулся ко мне.

— Мы задерживаемся.

— Он потеряет кровь быстрее, чем вы — терпение.

Я опустила на колени в снег. Холод тут же пробрался под платье, но я почти не почувствовала. Рана была глубокая, рваная, с грязью и волокнами ткани внутри.

Линар пытался улыбаться.

— Ерунда, госпожа. Царапина.

— Ещё раз назовёшь это царапиной — зашью без настойки.

Он замолчал.

Я раскрыла сумку. Астор сделал шаг ближе.

— Что вы делаете?

— То, что умею.

— Вы не уполномочены отдавать приказы.

— Тогда считайте это не приказом, а последним шансом не довести до крепости труп.

Он хотел возразить, но двое солдат Красного Пламени уже встали так, что заслонили меня от ветра и чужих рук. Не вызываяще. Просто рядом.

Я наложила жгут, промыла рану кипячёной водой из трактирной кухни, достала иглу. Линар побледнел до зелени.

— Смотри на меня, — сказала я.

— Я лучше не буду смотреть никуда.

— Тогда считай.

— Что считать?

— Сколько раз ты соврёшь, что не больно.

Хольт, старший из солдат, хмыкнул.

Линар стиснул зубы, когда игла вошла в кожу.

— Говорили... истинные жёны умеют только красиво стоять рядом с драконами.

— А я слышала, солдаты Красного Пламени умеют не падать от царапины.

Он выдохнул что-то похожее на смех и ругательство одновременно.

Краем глаза я заметила: Астор смотрит не на рану.

На мои руки.

На то, как уверенно я работаю. На травы. На нож. На сумку.

На живот.

Когда я закончила, снег вокруг коленей промок насквозь. Пальцы замёрзли, но шов получился ровным.

— Жгут ослаблять каждые полчаса, — сказала я Хольту. — Если посинеет стопа — сразу зовите.

Хольт кивнул. Не как опальной женщине.

Как лекарю.

И это было первое настоящее уважение, которое я получила после Зала Семи Пламен.

На ночлег мы остались в трактире.

Мне выделили маленькую комнату под крышей. Окно не закрывалось до конца, и ветер пробирался внутрь тонким ледяным ножом. Служанка легла у двери на тюфяке, но уснула почти сразу. Или сделала вид.

Я не спала.

После перевязки Линара тошнота вернулась сильнее. Я выпила слабый настой ромашки Мирны и сидела на кровати, завернувшись в шаль, когда за стеной слышались голоса.

Сначала я не придавала значения.

Потом услышала своё имя.

— Она лечит их, — сказал Нейв. — Зря.

Ответил Астор:

— Пусть.

Пауза.

Скрип половиц.

Я задержала дыхание.

— Чем больше они ей верят, тем проще будет списать всё на нападение.

Холод больше не шёл из окна.

Он поднялся изнутри.

Нейв сказал тише:

— До крепости?

— Нет. На перевале.

Я медленно положила ладонь на рот.

Не потому, что хотела закричать.

Чтобы не выдать дыхание.

— А если она уже носит? — спросил Нейв.

Молчание.

Потом Астор произнёс:

— Тем более.

Мир сузился до этой стены.

До двух голосов за ней.

До моего сердца, которое билось так громко, что, казалось, они должны были слышать.

Они знали.

Или подозревали.

Белое Гнездо не отправило меня под охраной.

Оно отправило меня на смерть.

Я сидела неподвижно, пока их шаги не стихли. Потом ещё долго. До боли в спине, до онемения пальцев, до того момента, когда страх перестал быть волной и стал льдом.

Бежать было некуда.

Беременная женщина на северной дороге, без лошади, без проводника, среди снегов, под взглядом стражников Белого Гнезда. Если я исчезну ночью, они найдут меня до рассвета. Или не найдут — и я умру сама, что, возможно, их тоже устроит.

Я должна была дожить до перевала.

И сделать так, чтобы к моменту, когда “нападение” начнётся, я была не одна.
Я встала.

Служанка у двери приподняла голову.

— Госпожа?

— Спи.

— Вам нельзя выходить.

— Мне нельзя многое. Сегодня я выбираю сама, что именно нарушить.

Она побледнела, но не остановила меня.

Линар лежал в общей комнате у очага, укрытый двумя плащами. Лицо его блестело от пота. Рядом дремал Хольт.

Я присела возле раненого и коснулась его плеча.

Он открыл глаза сразу. Солдат, даже молодой.

— Госпожа?

— Слушай внимательно. Завтра на перевале может случиться нападение.

Сон исчез из его лица.

— Разбойники?

— То, что потом назовут разбойниками.

Он смотрел на меня несколько секунд.

Не спросил, откуда я знаю.

Может быть, потому что в моём голосе не осталось места для сомнений.

— Белые? — прошептал он.

Я не ответила прямо.

— Если начнётся бой, держитесь ближе к своим. Не к ним. И не давай им увести меня отдельно.

Линар попытался сесть и зашипел от боли.

— Я предупрежу Хольта.

— Осторожно. Если они поймут, что мы знаем, перевал может начаться раньше.

Он кивнул.

И вдруг тихо сказал:

— Лорд Велор знает?

Я посмотрела на огонь в очаге.

Красный.

Чужой.

— Я больше не знаю, что знает лорд Велор.

Это была правда.

Самая страшная из всех.

Утром снег шёл густо.

Дорога поднялась выше, в серые скалы. Лес редел. Ветер гнал по земле сухую крупу, лошади нервничали, колёса вязли в промёрзшей грязи. Астор сидел напротив меня в карете, как и прежде, но теперь его равнодушие уже не казалось пустым.

Оно было маской.

Я знала.

Он знал, что я, возможно, знаю.

И мы оба молчали.

К полудню обоз вошёл в Чёрный перевал.

Скалы сомкнулись по обе стороны дороги, высокие, острые, как зубы древнего зверя. Небо превратилось в узкую серую полосу. Ветер здесь звучал иначе — не свистел, а стонал, будто проходил через кости.

Карета замедлилась.

Потом остановилась.
Снаружи кучер выругался.
— Дерево на дороге!
Я закрыла глаза на одно мгновение.
Открыла.
Астор не выглядел удивлённым.
На склоне справа мелькнула тень.
Потом ещё одна.
Люди без гербов. Без плащей. С закрытыми лицами.
Один поднял руку, и я увидела на его запястье тонкую белую нить клятвы.
Я положила ладонь на живот.
На этот раз не скрывая.
— Держись, — прошептала я.
Первая стрела ударила кучеру в горло.

Глава 9. Нападение на перевале

Первая стрела вошла кучеру в горло.

Он даже не вскрикнул.

Только дёрнулся назад, будто кто-то резко потянул его за воротник, и выпустил вожжи. Лошади взвились. Карета качнулась, ударилась боком о край дороги, колесо с хрустом налетело на камень. Меня бросило вперёд.

Я успела выставить руку, но всё равно ударилась плечом о дверцу.

В животе стянуло так резко, что мир на мгновение стал белым.

Не от снега.

От страха.

Я прижала ладонь к низу живота и вдохнула через зубы.

Жив.

Должен быть жив.

Снаружи уже кричали.

Лошади рвали упряжь. Один из солдат Красного Пламени выкрикнул приказ, но голос захлебнулся в грохоте — фургон позади ударило в бок, и что-то тяжёлое посыпалось на дорогу. Стрела вонзилась в деревянную стенку кареты так близко от моей головы, что я услышала, как дрожит древко.

Астор сидел напротив.

Не двигался.

Это было первым настоящим доказательством.

В нападении человек на мгновение показывает себя. Даже обученные воины реагируют телом раньше мысли: рука к оружию, взгляд к угрозе, плечи вниз, дыхание короче.

Астор не испугался.

Он ждал.

— Ложитесь, госпожа, — сказал он.

Голос ровный. Почти скупающий.

— Чтобы вам было удобнее меня убить?

Впервые за всю дорогу его лицо изменилось.

Не сильно.

Только глаза стали холоднее.

Снаружи раздался крик Линара:

— К оружию! На склонах!

Потом — звон стали.

Я потянулась к ручке дверцы, но Астор оказался быстрее. Его пальцы сомкнулись на моём запястье.

— Сюда.

— Куда?

— В безопасное место.

Я посмотрела ему за плечо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.